

А. Воронов-Оренбургский

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОХОД

ТОМ 5

ДАРГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский

**Железный поход.
Том пятый. Дарго**

«Автор»

2018

Воронов-Оренбургский А.

Железный поход. Том пятый. Дарго / А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-07887-1

Середина XIX в. Кавказская кампания — самая долгая война в истории России, тянувшаяся почти шестьдесят лет и стоившая огромных финансовых потерь и человеческих жертв. Это была война, которая потребовала от своих героев не только мужества, но и изощренного коварства. Война, победа в которой завершала строительство самой великой из евразийских империй. Роман воссоздает события самого драматического эпизода Кавказской войны — похода русской армии в Дарго, резиденцию великого Шамиля, имама Чечни и Дагестана. В оформлении обложки использован фрагмент картины Франса Рубо «Штурм аула Гимры». Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07887-1

© Воронов-Оренбургский А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть 1 Дарго – кровь за кровь	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Воронов-Оренбургский Железный поход. Том пятый. Дарго

Часть 1 Дарго – кровь за кровь

*Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!*

М. Ю. Лермонтов «Валерик»

Глава 1

Сложно быть хозяином на земле – вырастить фруктовый сад, построить дом, поднять на ноги детей; непросто чабану в завьюженных горах управляться с огромной отарой, беречь ее от мора и падежа, от острых орлиных когтей и волчьих клыков... Что уж говорить о тяжелой доле – повелевать седым Кавказом? Быть его духовным наставником, заботиться о его народах, незыблемости священных границ и процветании!

Однако горы полны мудрости: «Куда не заглянет гость, туда не заглянет и добро», «Если к тебе пришла беда, подними голову, если к людям пришла – опусти», «Глаз боязлив, но руки и сердце храбры».

Так и случилось – горы не терпят пустоты. Вот уже более десяти лет, после трагической гибели Гамзат-бека¹, весь неподъемный груз правления и ответственности за Имамат лежал на плечах Шамиля из Гимры. Издревле на Кавказе к именам знаменитых, прославленных горцев добавлялись названия аулов или целых народов. Так случилось и с Шамилем. Отца его звали Доного, и поначалу будущего имама соседи нарекли Шамиль – сын Доного. Затем он стал Шамилем Гимринским, будучи выходцем из аула Гимры, еще позже – Шамилем Аварским, далее – Дагестанским, Кавказским... И, став наконец Воином Газавата, человеком-легендой, третьим имамом Кавказа, он вновь стал Шамилем, не нуждающимся уже ни в каких уточнениях.

Ныне численность его Имамата составляла около 500 тысяч человек, территория – свыше 1000 верст в окружности, а рубежи теократического государства горцев менялись от года к году в зависимости от военных успехов или, напротив, неудач. Десятки племен и народностей включал в себя Имамат – все общества Нагорного Дагестана, земли покоренного Аварского ханства, почти всю Чечню и Ингушетию, а также ряд аулов высокогорной Хевсуретии и Тушетии² Лютая воля, сила и безграничная власть Шамиля мощно сказывались и на Западном Кавказе. Многие независимые от власти князей и агаларов³ крупные территориальные союзы натухайцев, абадзехов, шапсугов и убыхов горячо поддерживали своего нового Пророка, который в народе еще при жизни приобрел значение «эвлии» – святого.⁴

Эта жертвенная любовь народа, готового бросаться за ним из войны в войну, тешила самолюбие властного горца. Слепая вера мюридов заставляла учащенно биться его сердце и ощущать при этом согревающий огонь в жилах, который он получал из преданных глаз своей паствы. Но не только чувство радости и скрытого торжества испытывал Шамиль. Многолетняя усталость и бесконечная тревога за свой народ, за жизнь своих родных и близких, жен и детей,

---

¹ Г а м з а т – б е к – второй (1832–1834) имам Чечни и Дагестана (после Кази-муллы) – был предательски убит в мечети одним из кровников в 1834 г.

² Территории Грузии, именуемые так по названию проживающих там этнических групп грузинского народа.

³ Агалары, ханы и беки составляли мусульманскую знать присоединенных к России территорий. Те ее представители, которые были верны российскому правительству, получали от него денежное содержание, воинские чины и участвовали в управлении. Однако мусульманская знать до конца XIX в. так и не была уравнена в правах с российским дворянством.

⁴ «Наиб Шамиля Магомед-Амин, посланный в 1848 году на Западный Кавказ, сумел быстро завоевать доверие и поддержку у местного населения. В попытке установить среди адыго-черкесов политическое управление, сходное с Имаматом в Дагестане и Чечне, он разделил их земли на участки и округа. Участки создавались на основе сельских общин (примерно по 100 дворов в каждой) с выборными старшинами и вождями во главе. Несколько участков составляли округ. Центром округа являлось мехкеме – укрепленный горский аул, в котором находились окружное управление, суд, тюрьма, провиантский магазин, мечеть и духовное училище. Округом управляли муфтий и советы из трех кадиев с правами административной и судебной власти. В распоряжении окружного управления находились отряды ополченцев и муртазиков – ядро постоянной армии адыгов. Высшая светская и духовная власть была сосредоточена в руках самого Магомед-Амина. Всего по настоянию Шамиля было создано семь округов: четыре – в землях абадзехов, два – у натухайцев и один – у шапсугов. Сопrotивление на Западном Кавказе продолжалось даже после завершения войны в Дагестане и Чечне. Противоборство горцев Западного Кавказа длилось до середины 60-х годов и завершилось массовым переселением черкесов, а также части чеченцев и дагестанцев в Турцию» // Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

за свою собственную жизнь, тревога за судьбу Кавказа давили его грудь могильной плитой, лишали сна и покоя.

С того времени, когда имам Шамиль, избранный главой Имамата, стал обладать духовной и светской властью, он невольно сделался заложником избранной им судьбы. Отныне Шамиль не принадлежал себе. Каждый день его теперь был расписан по часам и минутам. «Понедельник, вторник, среда и четверг посвящались общим вопросам управления. В эти же дни выслушивались письменные донесения наибов и устные доклады тех, кто по вызову имама являлся лично. По обсуждавшимся вопросам совет не только принимал решения, но и указывал тут же, кем и как это решение должно быть немедленно исполнено. Суббота и воскресенье были предназначены для приема многочисленных посетителей и разбора их жалоб и претензий. Пятница назначалась исключительно для молитв и отдохновения».⁵

Верховный годекан являлся одновременно и верховным судом. Здесь, в присутствии секретаря и приглашенных уважаемых лиц, разбирались самые сложные дела, спорные вопросы и жалобы. В чрезвычайных случаях Шамилю приходилось созывать съезды народных представителей.

В разработанном им «Положении о наибах» говорилось: «Наибом должно быть исполняемо приказание имама, все равно, будет ли оно выражено словесно или письменно, или другими какими-либо знаками, будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание или не согласно, или даже в том случае, если исполнитель считал бы себя умнее, воздержаннее и религиознее имама». В то же время Шамиль не переставал наставлять своих высокопоставленных наибов и мудиров⁶: «Вы не склоняйтесь ни в сторону насилия, ни в сторону насильников. Смотрите на своих людей глазами милосердия и заботы, как требует того Коран. Смотрите за ними, как жалостливый к своим детям отец, управляйте ими на основе справедливости и совести, не приближайте к себе никого из-за дружбы и приятельства и не отдаляйте никого из-за вражды. Будьте для старшего – сыном, для равного – братом, а для младшего – отцом. Тогда вы не найдете в своем округе врага. Если же вы будете вести себя противно тому, что я говорю, если будете несправедливы к народу, то вызовете на себя прежде всего гнев Всевышнего, а затем гнев мой и народа. Знайте и помните: дело ваше тогда обернется плохо».

...Но все реформаторские задачи и грандиозные планы имама перечеркивала война.

Столицей молодого государства горцев значились крупные аулы Ашильта и Ахульго в Дагестане... Цветущие и прекрасные, они были до основания разрушены и разграблены царскими войсками. В редких оставшихся скелетах домов-крепостей, некогда богатых и гордых, теперь шелестел пеплом ветер, будто среди развороченных взрывами каменных плит и обугленных перекрытий перешептывались силуэты и лица погибших защитников.

В горах говорят: «На крови и костях аул не построишь, но беду наживешь». Увы, столь любимые Шамилем героические Ашильта и Ахульго напоминали теперь сгнившие и раскрошенные зубы старика с черными дуплами, из которых неуловимо тянуло тошнотворным смрадом былых пожарищ.

Новой резиденцией имама стали аулы Дарго и Ведено в Чечне. «Надолго ли? – укрепляя и без того могучие, неприступные стены своих крепостей, думал он и горько усмехался в душе. – Гадалка себе не гадает».

---

⁵ Воспоминания современника Шамиля Абдурахмана о работе Государственного совета.

⁶ «Имамат делился на мудирства и наибства – округа. В мудирство, которым управлял мудир, входило несколько наибств. За время правления Шамиля было организовано в общей сложности свыше 40 наибств. Наибами назначались наиболее способные, преданные и испытанные в боях горцы. В обязанности наиба входили: организация войск и военных походов, охрана границ, постройка оборонительных сооружений, гражданское устройство. В отдельных случаях наиб также осуществлял и судебную власть. Утверждению имамом подлежали лишь смертные приговоры. Население содержало мудиров и наибов за свой счет» // Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

«Хочу ли я войны?.. Жаждают ли мои горы новой крови? – не раз, стоя у перепаханных ядрами пепелищ, задавался вопросом Шамиль и отвечал: – Нет, не хочу! Наши ущелья и горы и так пропитаны ею насквозь».

Не о войне и крови мечтал великий Шамиль, но о мире и созидании. В его крепкой памяти жили предания далекой старины, укреплявшие имама в мыслях о мире и добрососедстве с другими народами.

* * *

«...Давным-давно, когда близ аула Кумух после жестокой битвы с ордами Тимура Завоевателя горцы собирали трофеи, то в сафьяновой сумке одного убитого нашли книгу. Перелистали ее страницы, склонились над буквами. Но ни одного не нашлось среди них, кто мог бы читать. Тогда решили горцы сжечь ее, изорвать и пустить по ветру. Но вперед решительно выступила умная, храбрая воительница Парту-Патимат. Она сказала:

– Берегите ее вместе с оружием, доставшимся нам от врага.

– Эй! Зачем она нужна? Никто из нас все равно не может ее читать!

– Если мы не сумеем прочитать эту книгу, прочитают наши дети, внуки. Неизвестно ведь, что заключено в этих страницах. Может, в них наша судьба!

...Во время битвы Сураката Тинусинского с арабами один пленный араб отдал горцам коня, кольчугу, оружие, щит. Но книгу, спрятанную на груди, не хотел отдать. Суракат вернул пленнику оружие и коня, но книгу приказал отобрать. Он сказал:

– Коней и сабель у нас самих хватает, но книги нет ни одной. У вас же, арабов, их много. Зачем же ты жалеешь одну-единственную?

Удивились воины и спросили у своего полководца:

– Для чего нам книга? Мы не только читать не умеем, мы не знаем даже, как ее правильно держать. Разве разумно брать ее вместо коня и оружия?!

– Придет время, ее прочтут. Придет время, и она заменит горцам и черкеску, и папаху, и коня, и кинжал.

...Когда дела персидского шаха, напавшего на Дагестан, стали плохи, он зарыл в землю драгоценности, которые всегда возил с собой. Над ямой-тайником положили плиту, на плите высекли резцом подкову. Свидетелей шах убил. Но все же Муртазали-хан нашел эту яму и обнаружил сундуки с золотом, серебром, драгоценными камнями – все, что успел нагнать иранский шах. На тридцати мулах увезли добро шаха. Среди других сокровищ попало несколько персидских книг. Осмотрев весь клад, отец Муртазали-хана, безрукий Сурхат, сказал:

– Сын мой, большое сокровище нашел ты!.. Раздай его воинам и вдовам погибших. Не жалей. А хочешь, продай. Оно все равно иссякнет. Но и через сто лет горцы найдут те перлы, которые спрятаны в этих книгах. Не отдавай их. Они дороже всех драгоценностей».⁷

* * *

Шамиль хорошо помнил эти дагестанские легенды, следовал их мудрости и ценил, как ценил и уважал своего седого мудреца Магомед Тагир аль-Карахи, который служил у него секретарем. Имам ни под каким видом, никогда не отпускал его в опасные места. Магомед Тагир был этим крайне недоволен и однажды, не в силах сдержать себя, сказал:

– О великий, возможно, ты не доверяешь мне? Сомневаешься в моей преданности? Тогда пусти меня на поле битвы.

Шамиль в ответ улыбнулся глазами и, продолжая наблюдать за величаво парящими орлами, молвил:

---

⁷ Гамзатов Р. Мой Дагестан.

– Если даже все погибнут, ты должен остаться в живых. Воина с шашкой все могут заменить... Летописца – нет. Ты пиши книгу о нашей войне, уважаемый... Остальное предоставь мне.

Старик умер в одном из походов, так и не дописав книгу, но его сын завершил начатый труд отца. Он был назван «Блеск сабли имама в некоторых битвах».

Совершая набеги на форпосты и крепости русских, предавая огню и уничтожению казармы и арсеналы ненавистного врага, Шамиль не позволял своим мюридам сжигать найденные книги гяуров. Тем, кто предлагал бросить их в реку, он твердо ответил: «Эти книги не стреляли в нас на нашей земле. Они не жгли наших аулов, не убивали людей. Кто позорит книгу, того опозорит она».

Просматривая трофейные фолианты, которые имелись в его богатой библиотеке⁸, Шамиль сожалел о том, что Кавказ прекрасно знает лишь русский штык и совсем не знает культуры врага. «Если бы русские пришли к нам не с огнем и мечом, а с мудростью и дружбой, с каким кавказским радушием приняли бы их народы гор. Кто знает, возможно, и сама история пошла бы по другому пути...» – не раз задумывался Шамиль.

Но человек предполагает, а Бог располагает. Кавказ уже четвертое десятилетие сотрясала пушечная канонада, прозрачные реки стали бурями от крови. Горцы говорят: «Когда на равнине война, тогда выстрелы звучат, как удары плети... когда в горах – тогда будто рушатся ледники и сам шайтан швыряет в ущельях утесы!»

...Объезжая с верными нукерами места недавних сражений, взглядываясь в руины выгоревших домов и мечетей; перешагивая через разбитые кувшины, клочья прожженных ковров и прочий разбросанный по развалинам, припорошенный пеплом хлам; видя, как коршуны и шакалы растаскивают и расклеивают на куски окоченевшие трупы людей, Шамиль каменел сердцем. «Лучше загасить искру, чем пытаться тушить пожар», – вспоминались ему слова матери. Но время «искр» было безвозвратно потеряно. Пламя войны, бушевавшее по всему Кавказу, все глубже и губительнее проникало в самое сердце гор.

Случалось, имам ощущал острую необходимость остаться со своими думами наедине. Тогда он садился на коня и без охраны уезжал высоко в горы.

* * *

Так было и в этот раз. Стоя на ребристом выступе скалы, Шамиль давал успокоиться взволнованному сердцу, чувствуя ноющий гул в уставших ногах. С орлиной высоты взирал он на горы, над которыми, разбросав воздушную гриву, летел ледяной, порывистый ветер. Нырять в пропасти, он, как ястреб когтями, выхватывал из синих гнезд ущелий туманное угрюмое зарево. Там горели оставленные врагу аулы: Конхидатль и Тлох, там полыхала дорогая его душе Андия.

Пожары, казалось, пытались взлететь навстречу друг другу через завалы камней, курумники, через змеившийся тальвег⁹ пересохшего русла реки, и все это начинало браться огнем, неторопливо накаляя застывшие облака багровым цветом.

Шамиль, завернувшись в длиннополую бурку, долго смотрел на пожарища, пытаясь угадать боевые башни¹⁰, родовые могильники, сакли близких ему людей, гибнущие в огне. Вос-

---

⁸ «У Шамиля была огромная библиотека. Двадцать пять лет на пятнадцати мулах возил он ее с места на место. Без нее он не мог жить. Потом на горе Гуниб, сдаваясь в плен, имам попросил генерала Барятинского, чтобы ему оставили книги и саблю. Живя в Калуге, он постоянно обращался с просьбой к администрации снабжать его книгами. Имам Шамиль говорил: «По вине сабли проиграно много битв, по вине книги – ни одной» // Гамзатов Р. Мой Дагестан.

⁹ Наиболее пониженная часть долины, балки, оврага и т. п.

¹⁰ Основательно изучивший в начале XX века вайнахскую архитектуру Н. Яковлев утверждал, что чеченцы и ингуши из поколения в поколение были мастерами-каменщиками, «искусниками камня» («тоны гоудзыж»). Их руками строились широкие трехэтажные «галы», т. е. башни-дома (от «га» – защита, «ала» – дом); или высокие десятиэтажные, четырех-пятиэтажные стройные боевые башни «воув», которые служили надежным убежищем всему роду при нападениях враждебных тейпов; наконец, маленькие солнечные могильники-склепы, куда ингуши хоронили предков, и многочисленные храмы «щцу», «элгуц»

поминания и образы с необыкновенной быстротой сменялись в его воображении одно другим. То он видел перед собой своих славных джигитов, мчавшихся с шашками на врага, то припоминал, как выглядели прежде сгоревшие в космах огня нарядные фруктовые сады, в тенистой прохладе которых он любил играть со своими детьми и слушать истории седобородых старцев; то вдруг видел стоявшие на зеленой равнине крепости русских; то нежное лицо своей последней жены Шуайнат, то снова своих дорогих сыновей... Но все эти видения сгорали в пунцовом зареве, а в огнистых отблесках проступало холодное и бледное, как рыбе брюхо, лицо его смертельного врага – Воронцова. Бескровное и безволосое, оно щерилось в лисьей улыбке, а руки графа протягивали ему, как дикому зверю, кровавый кусок мяса, наколотый на длинный трехгранный штык.

...Ставя ногу на стремя, Шамиль подвел черту: «Великие времена уже скоро. Весь мир заговорит о нас. Волей Аллаха мы поставим гяуров на колени. Нам нужен сокрушительный удар. Россия обязана содрогнуться и замереть от ужаса. Всевышний, бери нашей крови сколько угодно. Время насилия и унижения Кавказа прошло. Волла-ги!.. Мы идем на смерть во имя Тебя, нашей веры и могил предков. Тот, кто попирает Ислам, будет в конце концов жестоко наказан. Иншалла».

и др. Из всех этих сооружений особой тщательности и искусства требовала постройка боевых башен. Вся постройка такой башни должна была закончиться непременно в один год! В противном случае башня так и оставалась неоконченной. Она стоила очень дорого, и боевые башни решались строить, конечно, только зажиточные и воинственные семьи; в дальнейшем башня, так же, как и родовой могильник, делалась фамильной собственностью всех потомков ее владельца-строителя. «...Как правило, боевые башни пятиэтажные, но встречаются и в четыре, и даже в шесть этажей. Первый этаж нередко служит тюрьмой для пленников; обычно же он является закромом для хранения зерна в особом каменном мешке. На втором этаже находились защитники и стража во время осады, т. е. вход в «воув» был только здесь: на втором этаже находилось имущество осажденных. Третий этаж занимали защитники и их семьи и, наконец, все верхние этажи – защитники и наблюдающие. В основании все башни квадратные, площадью 20–35 кв. м. Кверху стены сильно сужаются и достигают общей высоты 20–26 метров. Крыши башен бывают нескольких видов: 1) плоская, с барьером; 2) плоская с зубцами на углах, увенчанными камнями конической формы; 3) пирамидальная, ступенчатая, с коническим замковым камнем. Чечено-ингушские боевые башни отличаются наличием «машикули», маленьких защитных балкончиков на верхнем этаже, которые вместе с бойницами на всех этажах служат целям эффективной обороны. Другую особенность этих башен составляют сквозные крупные кресты, сложенные почти на всех сторонах верхней части башен. <...> Характер местности, на которых обыкновенно красуются башни, отвечает в первую очередь оборонительным целям. Башни построены большей частью на выступах скал, на оконечностях гребней и вообще на таких местах, которые ни для чего другого применимы быть не могли» // Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия.

Глава 2

Когда на Кавказе заходят разговоры о Шуайнат, старики-аксакалы говорят:

«Она была самой красивой женщиной во дворце Шамиля. Шуайнат была последней женой имама и первой его любовью. Имам тоже, как все горцы, брал себе жен, соблюдая мусульманские обычаи. Но эту... Она была нечаянной наградой. Когда один из храбрейших наибов Ахвердил Магомед¹¹ совершил набег на Моздок, он похитил дочку армянского купца¹² прелестную красавицу Анну. Это случилось за несколько дней до ее свадьбы. Мюршид привез свою добычу во дворец имама завернутой в белую бурку. Когда же ее развернули, Шамиль ничего не увидел, кроме двух больших голубых глаз, как будто созданных из ясного дагестанского неба. Эти глаза прямо и без всякого страха смотрели на грозного владыку гор. Они видели бордовые сапоги из тонкого хрома, его оружие, его бороду, его глаза. Юная армянка узрела перед собой человека, которого никак не назовешь ни молодым, ни красивым. Но что-то привлекало и манило в его внешности. В нем наряду с властностью и силой чувствовались также нежность и доброта. Взгляды их встретились. Суровый воин почувствовал некую слабость в сердце. Эта слабость была непривычна, и он испугался ее. Тотчас раздался его повелительный голос:

– Поезжай и отвези эту девушку туда, где взял.

– Уо! Зачем, имам? Такая красавица!.. Тонкая в стане, косами обвивает Дербент, райская жемчужина... Все на месте.

– Я знаю, «зачем». Твое дело оседлать коня.

– Какой же выкуп взять за нее, высокочтимый?

– Отдашь просто так, без выкупа.

Крайне удивился Ахвердил Магомед. Никогда еще Шамиль не отдавал пленников без выкупа. Но спорить нельзя. Своей пленнице он сказал:

– Сейчас я повезу тебя обратно к твоим родным. То-то обрадуются. Скажешь им, что Шамиль не разбойник.

Когда Анне перевели слова мюршида, она посмотрела на Шамиля удивленными глазами. Все подумали, что девушка просто не верит своему счастью.

Ей сказали еще раз:

– Имам очень сожалеет о случившемся. Он отпускает тебя без всякого выкупа.

Тогда красавица сказала, обратясь к Шамилю:

– О всесильный и всевидящий вождь Кавказа, меня никто и не думал похищать. Я сама приехала к тебе, чтобы стать твоей пленницей.

– Но почему?!

– Чтобы взглянуть на героя, о котором слагают легенды и песни... О котором говорит весь Кавказ и весь мир. Делай что хочешь, но своего добровольного плена я ни на что не променяю. И никуда я отсюда не поеду.

– Нет, тебе лучше уехать.

– И это говоришь ты, Шамиль, которого все считают храбрым мужчиной?

– Так говорит Аллах, – нахмурил брови имам.

– Бог не может так говорить.

– Мой Аллах и твой Бог говорят по-разному.

---

¹¹ А х в е р д и л М а г о м е д (Ахверды-Магома) – наиб, военачальник имама Шамиля.

¹² «С пленницами, даже христианками, чеченцы обходились человеколюбивее и сострадательнее. Они по преимуществу делались наложницами своих хозяев, а иногда их женами, в том, однако, случае, если соглашались быть магометанками. Разительным примером служит сам Шамиль, у которого любимой женой, между другими, была Улуханова, дочь моздокского армянина, взятая в плен Ахверды-Магомоем в 1842 году» // Ольшевский М. Я. Записки. 1844 и другие годы.

– Отныне я твоя пленница, всемилостивый вождь Кавказа, твоя рабыня. Отныне твой Аллах будет и моим Богом. Еще в детстве я слышала песни о тебе, высочайший... и одну из них запомнила. Она крепко запала мне в сердце.

Юная армянка на непонятном никому языке вдруг запела красивую песню. Из-за высокой горы вышла в небо луна. А дочь Армении все пела песню о Шамиле.

Вошел Ахвердил Магомед.

– Имам, конь оседлан. Могу ли я взять девицу?

– Оставь ее. Эту песню она должна допеть до конца, хотя бы на это понадобилась вся ее жизнь.

Через несколько дней по Дагестану пополз приглушенный слухок. Шептали на ухо человек человеку, аул аулу, шушукались, перемывая кости.

– Слышали? Слышали?! Шамиль взял себе еще одну жену!

– И что тут такого?.. Коран разрешает...

– А то, ослиная твоя голова, что правоверный имам женился на неверной армянке!

– Вай-ме! Позор на нашу голову. Чалму имама стирает гяурка. Вместо молитв она поет ему песенки.

Зашептался Дагестан. Загудел Кавказ. Но слухи были правдивы. Повелитель взял третью жену. Она приняла магометанскую веру, повязалась горским платком, взяла аварское имя. Анна сделалась Шуайнат. Для имама самой вкусной была еда, которую подавала она, самой мягкой была постель, которую стелила она. Самой светлой и теплой была ее комната. Самым родным было ее слово. Суровое лицо имама сделалось мягче, ласковее, добрее. Много раз к Шамилю приезжали из Моздока с просьбой от ее родителей отпустить Шуайнат домой за любой выкуп, который он сам назначит. Шамиль рассказывал об этом Шуайнат, но та говорила всегда одно:

– Имам, ты мой муж. Хоть голову отсеки, но я домой не вернусь.

Ее ответ передавал Шамиль послам из Моздока. Как-то раз приехал к нему родной брат Шуайнат. Имам его принял хорошо, разрешил повидаться с сестрой и поговорить с ней. Два часа брат и сестра оставались наедине. Брат рассказал о горе отца, о слезах матери, о прекрасной жизни, которая ждет ее дома, о молодом несчастном женихе, который все еще любит ее и надеется на встречу.

Все напрасно. Шуайнат отказалась. Брат уехал ни с чем.

Первая жена имама Патимат, улучив благоприятный момент, сказала ему:

– Имам, вокруг проливается кровь, погибают люди. Как ты можешь слушать, словно молитву, песни Шуайнат? Ведь ты сам запретил петь в Дагестане. Ведь ты отказался от песни даже родной матери.

– Пойми, Патимат, – возразил вождь, – Шуайнат поет песни, которые поют о нас наши враги. Если бы я дал возможность распространяться слезливым плачам, то они дошли бы до врага, и о нас по-другому бы стали думать. Тогда мне было бы стыдно смотреть в глаза матерей, чьи сыновья погибли в походах со мною. Но враги пусть поют о нас песни. Я с удовольствием их послушаю. И других позову послушать.

Но не потому переживала Патимат, что имам внимает песне молодой красавицы жены, а потому, что с прежними женами он уже не делился, как прежде. Вскоре произошло следующее событие.

Однажды имаму сообщили, что Белый царь готов вернуть его сына Джамалутдина, который в это время учился в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, обменяв его на Шуайнат. Трудная задача. Имам отказался. То, что была такая возможность, Шамиль скрыл от всех, но слух об этом все же дошел до Патимат.

Как-то она пришла к своей молодой сопернице.

– Шуайнат, даешь ли ты слово, что о нашем разговоре будет знать только один Аллах?

- Даю.
- Ты лучше меня знаешь, что в последнее время Шамилю не спится, что он сильно озабочен и мучится.
- Вижу, Патимат, вижу.
- А ты не знаешь ли, отчего?
- Нет.
- Я знаю. Если хочешь, ты можешь найти для него лекарство.
- Скажи, Патимат, скажи, моя дорогая.
- Ты, конечно, слышала о Джамалутдине, сыне моем и Шамиля?
- Конечно...
- Его возвращение к нам зависит от тебя. Ты же вспоминаешь свою мать. Я тоже мать. Десять лет не видела я своего сына. Помоги! Не ради меня, а ради имама!
- Все сделаю ради него... Но как?
- Если ты вернешься к своим родным, царь урусов возвратит нам нашего Джамалутдина. Умоляю, верни мне моего ненаглядного сынка. Аллах тебя наградит вечным раем. Заклинаю тебя... прошу.
- В голубых, как небо, глазах Шуайнат заблестели слезы.
- Все сделаю, Патимат, все сделаю, – прошептала она и ушла.
- В своей комнате она упала на ковер. Сперва долго рыдала, потом запела печальную песню. Пришел Шамиль.
- Что с тобой, дорогая?
- Имам, отпусти меня к родителям.
- Как?!
- Я должна вернуться.
- Но почему? О чем ты говоришь? Опомнись, женщина! Сама же отказывалась... теперь я не могу тебя отпустить.
- Шамиль, отправь меня домой. Другого выхода нет.
- Да ты, как видно, больна?
- Я хочу, чтобы ты увидел своего Джамалутдина.
- Ах, вот в чем дело. Нет, никуда ты не пойдешь, Шуайнат. Пусть я останусь без сына навсегда, если его можно получить только взамен жены. Если он мой сын, пусть сам найдет дорогу к матери, к родной стране. Я к сыну пойду не по тобой проложенной дороге. Я к нему найду путь, достойный меня и его. Лучше приведи моего коня.
- Шуайнат вывела из ворот скакуна имама. Сняла с ковра и вручила ему плетень.
- ...Во всех походах, во всех странствиях – в Дагестане, Чечне, в Петербурге, в Царском Селе¹³, в Калуге, на арабской земле – до самой смерти имама неразлучно с ним была его любимая жена Шуайнат».¹⁴
- Между тем железный узел противоречий в трагичной судьбе великого горца все туже затягивался с каждым годом Кавказской войны.
- Вот что гласит эта горская легенда:

---

¹³ Действительно, плененного имама по желанию императора много возили по России. Побывал великий Шамиль и в Царском Селе, где с интересом посетил знаменитый арсенал. «В одном из отделений хранились палаши воевод XVII века, богатейшей отделки, и сабельные полосы Стефана Батория, а также и жезлы гофмаршалов польского двора в золотой оправе, украшенные бриллиантами и другими драгоценными камнями. Далее были представлены секиры и палаши Шамиля. На самом деле эти секиры были не чем иным, как древними русскими бердышами XV века. Когда в 1859 году великий пленник посетил царское селеский арсенал, он был поражен богатством и роскошью здешнего оружия. Увидев свои секиры и сабли, он сказал: «Это мое оружие, взятое у меня в таком-то деле». Шамиль остался очень доволен, что государю императору Александру II было угодно поместить его оружие в столь почетном собрании» // Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Паритет, 2003.

¹⁴ Гамзатов Р. Мой Дагестан.

«Восьмилетний заложник – сын Шамиля – вернулся в родной Дагестан уже двадцатичетырехлетним молодым человеком. Много сил, терпения, воли и хитрости понадобилось имаму, чтобы вернуть его. Многих русских военнопленных предлагал Шамиль Белому царю, но царь не соглашался на обмен. Юный горец был нужен императору в Петербурге. Грозась лишиться его жизни, царь убеждал Шамиля прекратить бессмысленную борьбу. Имам не поддавался угрозам. От имени сына, а может, и сам сын, кто знает... писали ему, что царь могуществен и нет никакой надежды победить его. Кавказ же истекает кровью, и дальнейшее сопротивление ничего, кроме вреда, горя и новых жертв, не принесет.

Упрямый и гордый имам ничему не верил.

К этим временам случилось так, что его храбрый наиб Хаджи-Мурат с несколькими мюридами вышел на сторону врага. Но в горах он оставил свою семью: мать, жену, сестру и сына. Понятное дело, все они, как тетеревиный выводок попадает в когти ястреба, оказались в руках Шамиля. «Если не вернешься, – писал Шамиль Хаджи-Мурату, – то сыну твоему Бульчу отсеку голову, а мать, сестру и жену отдам воинам на позор».

Хаджи-Мурат со своей стороны искал путей выручить любимую семью и тем самым развязать себе руки в борьбе с жестоким имамом. Он говорил в те дни: «Я связан веревкой, а конец веревки у Шамиля. Покуда моя семья у него, я ничего не могу делать».¹⁵

Ни о каком выкупе не могло быть и речи. Когда Шамиль узнал, что бывший его наиб надеется выкупить семью, он сказал: «Вдобавок ко всему Хаджи-Мурат, видно, сошел с ума».

Но если Шамиль держал в руках конец веревки, ведущей к Хаджи-Мурату, то у Хаджи-Мурата была ниточка, ведущая прямо к сердцу Шамиля. Этой ниточкой был Джамалутдин. Хаджи-Мурат неоднократно просил графа Воронцова: «Пусть Белый царь отпустит Джамалутдина к отцу. Тогда Шамиль, может быть, отпустит моих родных. Пока моя семья в руках имама, выйти мне с ним на войну все равно что своими руками зарезать и мать, и сына, и жену, и вообще всю родню».

Граф Воронцов доложил царю, и тот согласился на обмен. Шамилю написали: «Получишь сына, если отпустишь семью Хаджи-Мурата».

Имам оказался перед мучительным выбором. Три ночи не спал ни он, ни его семья. На четвертый день Шамиль вызвал к себе сына Хаджи-Мурата Бульча.

– Ты сын Хаджи-Мурата?

– Да, я сын Хаджи-Мурата, имам.

– Ты знаешь, что он совершил?

– Знаю, имам.

– Что скажешь на это?

– Что об этом можно сказать?

– Хочешь его видеть?

– Очень хочу.

– Я отпускаю тебя к нему вместе с матерью, с бабкой, всю семью.

– Нет, я не могу к нему поехать. Мое место в Дагестане. А там ведь не Дагестан.

– Надо ехать, Бульч. Я велю.

– Не поеду, имам, лучше убей меня сейчас же на этом месте.

---

¹⁵ «Тут Хаджи-Мурат рассказал все свои военные дела. Их было очень много, и Лорис-Меликов отчасти знал их. Все походы и набеги его были поразительны по необыкновенной скорости переходов и смелости нападений, всегда увенчивавшихся успехами. – Дружбы между мной и Шамилем никогда не было, – докончил свой рассказ Хаджи-Мурат, – но он боялся меня, и я был ему нужен. Но тут случилось то, что у меня спросили, кому быть имамом после Шамиля? Я сказал, что имамом будет тот, у кого шашка востра. Это передали имаму, и он нашел повод избавиться от меня. Он послал меня в Табасарань. Я поехал, отбил тысячу баранов, триста лошадей. Но он сказал, что я не то сделал, сменил меня с наибства и велел прислать ему все деньги. Я послал тысячу золотых. Он прислал своих мюридов и отобрал у меня все мое имение. Он требовал меня к себе; я знал, что он хочет убить меня, и не поехал. Он прислал взять меня. Я отбил и вышел к Воронцову. Только семья я не взял. И мать, и жена, и сын у него. Скажи сардарю: пока семья там, я ничего не могу сделать» // Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат.

– Ты такой же непокорный, как твой отец?

– Мы все покорны тебе, великий имам, но только не говори мне, чтобы я туда ехал. Пошли меня лучше на войну. Клянусь Аллахом, жизни не пожалею.

– Воевать против отца?

– Против врагов.

В тот день Шамиль подарил Булычу один из лучших своих кинжалов.

– Владей им так же, как твой отец. Но только всегда знай, кого бить.

Не удался торг Хаджи-Мурата. Не пошел к нему сын. Не вернулся и Джамалутдин к имаму.

Но Шамиль тем временем принимал свои меры. Он послал другого своего сына, Казимагомеда, в набег на грузинское княжеское имение Цинандели. В результате были захвачены в плен княгиня Чавчавадзе, княгиня Орбелиани и с ними гувернантка-француженка. Екатерину Чавчавадзе, сестру Нины Грибоедовой, мюриды нашли в дупле дерева и вытащили оттуда.

Вот теперь-то Шамиль мог диктовать условия Белому царю. Ведь он любой ценой постарался бы выручить грузинских княгинь. «Верну княгинь только за моего сына», – таково было последнее слово Шамиля.

И вот настал этот день. Течет широкая река. На одном берегу с замиранием сердца ждут свободы похищенные княгини. На другой берег вышел в сопровождении русских солдат и офицеров сын имама.

Шамиль ближе подъехал к реке на своем арабском скакуне. Он напряженно вглядывался в людей на противоположном берегу, стараясь разглядеть своего любимого Джамалутдина. Ведь они не виделись так долго. Узнают ли теперь друг друга отец и сын?

Имаму показали на стройного, с горделивой осанкой русского офицера в шинели с золотыми эполетами. Офицер беседовал с другими русскими офицерами, прощался с ними, тепло обнимался. Потом подошел к юной барышне, стоящей несколько в стороне, поцеловал ей руку. Временами он взглядывал на отца, восседавшего на белом горячем жеребце.

– Это, что ли, мой сын? – спросил имам, не спуская глаз с офицера и стараясь не пропустить ни одного его движения.

– Да, высокочтимый. Это и есть Джамалутдин.

– Отвезите ему на тот берег черкеску, папаху и наше оружие! Отныне он не царский офицер, но воин Дагестана. Одежду, которая на нем теперь, бросьте в воду. Иначе я не подпущу его к себе.

Молодой человек выполнил волю отца и переоделся. Поверх горской черкески он надел оружие горца. Но под черкеской и папахой оставались сердце и голова Джамалутдина, и их нельзя было ничем заменить.

Вот наконец он переправился через бурливую реку и подошел к отцу.

– Сын! Мой дорогой сын!

– Отец!

Джамалутдину тут же подвели красавца-коня. Всю дорогу до самого Ведено отец и сын ехали рядом. Иногда отец спрашивал:

– Скажи, Джамалутдин, ты помнишь эти места? Не забыл эти горы? Этих орлов в небе? Помнишь ли наш родной аул Гимры? Помнишь Ахульго?

– Отец, я был тогда очень маленьким.

– Скажи, молился ли ты хоть раз о Дагестане? Не забыл ли наши молитвы, помнишь ли суры из Корана?

– Там, где я жил, Корана не было под рукой, – неохотно отвечал юноша.

– Неужели ты ни разу не преклонил голову перед всемогуществом Аллаха? Не пел молитв? Не соблюдал наших постов? Не совершал намаза?

– Отец, нам надо поговорить.

Но Шамиль пришпорил коня.

На другой день утром имам позвал сына к себе:

– Смотри, Джамалутдин, солнце поднимается из-за гор. Правда, красиво?

– Красиво, отец.

– Готов ли ты отдать жизнь за эти горы, за это солнце?

– Отец, нам следует поговорить.

– Ну что ж, говори.

– Отец, Россия слишком велика, слишком богата и могуча. Зачем нам защищать бедность и дикость этих гор, нищету, темноту? В России великая литература, великая музыка, великий язык. Они придут к нам. И Дагестан, и Чечня, и весь Кавказ только выиграет, если присоединится к России. Пойми, настало время поглядеть правде в глаза, сложить оружие и залечить раны. Поверь, я люблю Дагестан не меньше тебя...

– Джамалутдин!..

– Отец, нет в Дагестане ни одного аула, который не был бы сожжен хоть один раз... Нет скалы, которая не была бы ранена...

– Молчи! Я вижу, ты не готов и не способен защищать эти раненые скалы.

– Отец!

– Я тебе не отец. И ты оказался не моим сыном! Услышав твои слова, мертвые должны вырваться из своих могил. Но что делать мне, живому, когда я все это от тебя слышу? Видишь, как потемнели скалы?!

Шамиль созвал своих верных людей и свою семью:

– Люди, я хочу рассказать вам, то говорит мой сын. Он убеждает меня, что Белый царь велик, что у врагов много силы, что государство царя велико и что мы воюем напрасно! Он говорит, что нам пора сложить оружие и покорно склонить головы наши перед царем. Я считал, что человека, который осмелится не только так сказать, но и так подумать, я ни на час не оставлю в Дагестане. Но сегодня... эти слова звучат, и где же?! В нашем доме. Кто же говорит эти слова? О, Аллах... мой сын! Что делать с ним, с человеком, которого подослал сюда царь, чтобы опозорить и Кавказ, и меня? Вы хорошо знаете, сколько раз кололи грудь Кавказа и мою собственную грудь вражеские штыки. А теперь штык, который я сам отковал, царь наточил и направляет в мое же сердце. Что делать?!

Со страхом и горькой печалью слушали родные своего имама. Только мать еще не в силах была поверить всему этому.

Шамиль резко повернулся к Джамалутдину:

– Эй, враг гор! Будешь там, откуда я не услышу твоего голоса. Нет у тебя отныне отца, нет у тебя и Дагестана. На тебя я обменял грузинских княгинь, но на кого обменять тебя? Что мне с тобой сделать?

– Что хочешь делай, отец, со своим сыном. Убей, но сперва дослушай.

– Хватит! Я всегда слушался Аллаха, но сегодня не слушаюсь и его. Он говорит: «Убей врага!» Я ему отвечаю, что это не враг, а заблудившийся сын. Я ему говорю, что не в силах отрезать палец от руки. И так, живи... но сними этот кинжал. Оружие нужно только тому, кто готов драться.

После этого разговора Шамиль сослал своего сына в далекий, заоблачный аул. Там Джамалутдин жил, словно осенний листок, оторванный от родного дерева. Изнуренный печальными думами, скудной пищей, непривычным климатом, он заболел чахоткой. Имам воевал, а сыну все труднее и труднее дышалось. Он был обречен. В это время к нему приехала тайком от имама Патимат. Она привезла с собой игрушки из хлеба. Одна была в форме кинжала, другая в форме орла, третья в форме сабли. Потом со двора она принесла кизяк и развела огонь в очаге. Разогрела игрушки из хлеба, вытерла с них золу о собственные колени и, разложив одну из них, подала сыну, словно маленькому ребенку.

– Когда у матери нет своего молока, она старается приучить дитя к молоку тура, – сказала Патимат.

Джамалутдин смотрел на мать удивленными глазами. Ему казалось, что он видит ее впервые. Вдруг она вспомнилась ему молодой и красивой. В детстве именно такими забавными хлебцами она кормила его. У колыбели, похожей на коня, она пела ему песню о юноше, вскормленном молоком львицы. В изголовье под подушечкой лежал деревянный кинжальчик.

– Мама! Мама-а! – как в далеком детстве, крикнул Джамалутдин.

– Джамал, родной мой сын, вернись ко мне! – заплакала Патимат.

Он узнал свою мать. У потухающего очага, склонившись над больным сыном, пела мать колыбельные песни, как это она делала на заре его жизни.

Имам Шамиль вместе со своими мюридами воевал где-то далеко, так и не понятый сыном. А его жена Патимат пела прощальную песню умирающему первенцу.

Джамалутдину грезилось, что где-то близко между скалами стонет рокошущая река. Ему чудилось, что у дверей на скошенной и высохшей траве лежит теленок.

Он смутно вспомнил свой дом в Гимрах, вспомнил сильного, молодого отца, вспомнил своего первого быстрого коня. Мать пела о веселом Дингир-Дангарчу, который поднялся в небеса по дождевой струйке...

Перед горячечным взором Джамалутдина встали родные, во всем своем великолепии могучие горы. Тает снег, гремят камнями стремительные пенные потоки. По горным кряжам ползут голубые, позолоченные солнцем облака. Дагестан, забытый на чужой стороне, заботливо обступил его. А мать все пела и пела. Тут были песни, которые поют, когда рождаются сыновья, и песни, которые поют, когда сыновья умирают. И о том, что после сыновей остаются песни о них. Мать пела о Шамиле, о Хаджи-Мурате, Кази-Магомед, Гамзат-беке, о храбром джигите Хочбаре, о Парту-Патимат, о разгроме Надир-шаха, о тех, кто не вернулся из набегов.

В очаге догорал огонь. Дагестан пылал в пожаре войны. Оба эти огня отражались теперь в глазах Джамалутдина. Песня матери всколыхнула его. Проснувшись, вспыхнула сыновья любовь, она звала его встать рядом с отцом.

– Мама, я только сейчас вернулся в Дагестан. Только сейчас со своим отцом. Принеси мне оружие. Я – сын Шамиля. Я не должен умереть у домашнего очага. Отпустите меня туда, где стреляют, где льется кровь горцев.

Так песня матери сумела сделать то, чего не могли сделать ни Коран, ни суровый приказ отца.

Но это была только вспышка. Песни матери не могли заглушить в сердце Джамалутдина другие песни. Он не мог забыть Санкт-Петербург, в котором вырос. На непонятном русском языке он читал горцам непонятные строки:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...*

Странно и удивительно звучали эти слова в дымной сакле высокогорного аула. Джамалутдину снилось по ночам, будто он снова в Кадетском корпусе, в блестящем военном мундире с золотыми эполетами, будто у решетки Летнего сада он встречается с красавицей грузинкой Ниной...

Два орла жили в сердце юноши и раздирали его каждый в свою сторону. Две песни звучали в душе. Любимая Нина бесконечно далеко. Могучая река протекает между ними. Через эту реку не ходит почта. В этой реке утонул русский офицер, сын дагестанского имама. Река смыла и унесла все его мечты и среди них одну, самую главную.

Говорят, что заветной мечтой Джамалутдина было построить мост над этой могучей рекой, соединить оба берега, заменить жестокость войны, бессмысленные убийства дружбой, лаской, жизнью. Он понимал песни, которые поют в горах, песни матери, но он понимал и песни Пушкина. Две песни соединились в одном сердце. Если бы это понял отец. Если бы это поняли все! Если бы сами песни поняли и полюбили друг друга!

...Но песни были похожи на сабли. Они сшибались в воздухе, высекая искры. Истекающий кровью Кавказ пел о крови и мести, о храбрцах, о глазах, расклеванных вороном, о храпе коней, о звоне кинжалов, о скакуне, который печально возвращается домой, потеряв всадника на поле битвы».¹⁶

...Вот какие настроения были на душе имама в те дни... Вот какие легенды и песни можно было услышать в могучих взмахах орлиных крыльев.

---

¹⁶ Гамзатов Р. Мой Дагестан.

Глава 3

Июльские сумерки теплы и ласкаются легкими ладонями паутин. Это была последняя ночь перед сражением. Шамиль не спал. Не спал и весь Дарго. Впереди горцев ждал смертельный бой с русскими. Когда в горах война, тогда скачет от хребта к хребту могильное эхо пушечной канонады и слышен погребальный ясын.¹⁷

Правоверные только что закончили ночной намаз, но никто из мужчин не ушел спать. Тысячи горцев у костров исполняли неистовый обрядовый танец – зикр. Воины Газавата вместе с вождями-наставниками, муфтиями и кадиями, потрясая оружием, под яростный ритм барабанов и бубнов, бежали вокруг пылающих костровищ; выкрикивали слова священных молитв и заклинаний, готовя себя к смерти и славе.

Ночной Дарго – расцветенный сотнями огней и костров – казалось, парил над землей, медленно поднимаясь к небесам; пробивался сквозь багровые облака, утекал в красные, похожие на раны, бреши косматых туч. А где-то там, в запредельной высоте, где царствует лишь возвышенный молитвенный промысел, героев-защитников Дарго и Ислама, коим суждено было сложить головы в завтрашней битве, уже ждали цветущие сады и прелестные женщины заоблачного эдема.

...Воины-гази продолжали танец мести и смерти, а в их горячих сердцах, подобно гневным раскатам грома, звучали призывы имама:

«Дети ущелий и гор! Я, имам Дагестана и Чечни, выбран вами – народами Кавказа. Моя сабля, как и ваши, ищет головы неверных собак! Братья по вере, мусульмане! Мы презираем все, что предлагают нам белые гяуры, кроме оружия. У них большие знания, и нам есть чему у них поучиться... Но только тому, что поможет их уничтожить! Кази-Магомед и Гамзат-бек тридцать лет назад подняли зеленое знамя Ислама... теперь его держит моя рука. Подлые враги убили их. Это наши мученики, как прекрасны их лица. Они уже по достоинству обласканы Аллахом. Я помню и люблю их всем сердцем, как помню и люблю вас – моих детей! Мой долг и долг каждого – защищать своих братьев и сестер по вере. Священный Газават – наш долг! Кавказ истекает кровью! Волла-ги... Время насилия и унижения горцев прошло. Мы идем на смерть во славу Аллаха, во имя нашего народа и могил предков. Завтра нас ждет решительная битва с гяурами... Пусть Аллах возьмет нашей крови, сколько нужно! Билла-ги... Поклянитесь, братья, что не измените единожды данной вами клятве Всевышнему. Помните: изменникам и трусам лучше находиться под землей, чем на земле.

Я, имам Шамиль, обещаю вам, что пока не насажу на заточенный кол голову последнего уруса и не выставлю ее на самой высокой горе Кавказа, я не повешу свое оружие на ковер!

Братья-мусульмане! Правоверные, режьте, убивайте всех многобожников, всех врагов Аллаха и Пророка его Мухаммеда! Убей иудея и крестоносца! Нет Бога кроме Аллаха!

Оглянитесь, мусульмане! Никогда еще крестоносцы не проникали так глубоко в нашу священную землю. Талла-ги... Точите свои кинжалы и шашки, запасайтесь порохом и свинцом, завтра вас ждет немеркнущая слава героев. Верю, мы победим, Аллах с нами. Если же не увидимся в этом мире – увидимся в раю. Помните, правоверные! Как только кого убьют из вас... две прекрасные девы тут же заберут его и поднесут к Небесным Вратам. О Аллах, эти девы прекрасны, как утренние звезды... Их глаза сверкают, как изумруды, их пальцы, как лебединые перья, их грудь бела, как сыр и серебро!..

Не бойтесь, братья, смело идите навстречу судьбе! Знайте, я не стыжусь своих дел и готов умереть за Аллаха хоть сейчас. Я чувствую дыхание Небес и голос Всевышнего. Он говорит

---

¹⁷ Отходная мусульманская молитва, которая читается на смертном одре и на могиле покойного для «успокоения душ умерших».

нам всем: «Благословите ваше тело, вещи, оружие и ваших коней, сбейте лишние волосы и сделайте омовение. Оставайтесь спокойными и решительными. Когда придет час умереть, действуйте и знайте – вы победители! Убивайте врагов во имя своих отцов, потому что вы все в долгу перед ними. Если взялись за кинжал, не мучьте тех, кого решили убить, так поступал наш Пророк¹⁸, когда поднял Газават в Медине.¹⁹

Не забывайте читать молитвы и думать об их значении. Слава мученикам Газавата! Смерть гяурам! Аллах акбар!!»

* * *

Уставший, но довольный собой, Шамиль в плотном окружении мюридов-телохранителей вернулся в свою обитель. Весь народ огромного аула Дарго стоял на улице и площадях, на плоских крышах и галереях домов, провожая своего повелителя, духовного отца и защитника. Он был одет по обыкновению просто: в рядовую черкеску и бурку, пастушью папаху, которую опоясывала белая полоса чалмы; на ногах потертые чувяки и ноговицы, обшитые темным шнурком.

Дав последние указы своим военачальникам, имам удалился, но перед глазами продолжали стоять лица безмерно веривших ему людей. Он почти физически чувствовал на себе тысячи устремленных на него глаз; слух Шамиля низал долетавшие ружейные выстрелы джигитовавших на скакунах мюридов и истошные крики не расходившейся толпы:

– Мы с тобой до конца, Шамиль!..

– Ты, избранный Создателем, прокладываешь нам путь! Благослови тебя Аллах!

– Веди нас, Повелитель! Мы готовы отдать жизнь за тебя! Да пребудет с тобой Аллах!

* * *

– Ты слышишь, любимый, как ликуют люди? Они любят тебя, Шамиль... Они верят в тебя, как в Пророка...

Пришедшая по зову своего властелина юная Шуайнат по молчаливому знаку мужа присела на низкое ложе, не смея поднять головы. Так они и сидели рядом, и только отрывистое, учащенное дыхание выдавало их состояние.

Имам откинул лежавшую между ними парчовую подушку, взял нежные белые пальцы армянки в свою ладонь.

Шуайнат вздрогнула. В медной²⁰ проволочной бороде шевельнулись близкие губы, под изогнутыми крыльями бровей влажно блеснули черно-фиолетовые глаза и послышался усталый голос:

---

¹⁸ М у х а м м е д (Магомет, ок. 570–632) – религиозный проповедник, считающийся основателем ислама и изображаемый мусульманской исторической традицией «величайшим и последним пророком». Араб, происходивший из города Мекки. По преданию, Магомет принадлежал к роду хашим племени курейш, населявшего г. Мекку. Развивая учение доисламских монотеистов – ханифов, Мухаммед выступил в Мекке с проповедью ислама, возникновение которого было обусловлено необходимостью и реалиями того времени в арабском обществе. Не получив признания в Мекке и преследуемый своими врагами, Мухаммед в 622 году переселился в Ясриб-Медину, откуда руководил организацией мусульманской общины верующих, впоследствии ставшей ядром арабского государства, и борьбой за овладение Меккой. Используя противоречия между мекканской родовой аристократией и бедуинами, мусульмане принудили мекканцев принять ислам и признать власть Мухаммеда. В религиозном представлении мусульман Мухаммед является величайшим пророком Всевышнего; почитаем как святой и чудотворец и как ярый заступник верующих перед Аллахом.

¹⁹ М е д и н а – город в Саудовской Аравии, в Хиджазе. Узел дорог, идущих в Мекку, Неджеф (Ирак), Амман (Иордания). Медина является одним из священных городов ислама (местонахождение могилы Мухаммеда); крупнейший центр паломничества верующих мусульман. В Медине находится одна из древнейших соборных мечетей – мечеть Мухаммеда (623 г.).

²⁰ «В XIX веке почти все горцы, начиная с детского возраста и до глубокой старости, брили голову. С наступлением совершеннолетия оставляли усы и тщательно за ними ухаживали (существовала даже суповая ложка особой формы, позволявшая не пачкать усы и бороду во время еды; интересно, что и гребенские казаки переняли у горцев привычку изготавливать подобные ложки). Люди в возрасте часто красили усы и бороду хной (в рыжий и красный цвет). Это делалось отнюдь не только из гигиенических целей или по обычаю, но и для того, чтобы в случае нападения на аул все его защитники-мужчины выглядели, хотя бы издали, молодыми и сильными воинами» // Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

– Давно я не видел тебя, Шуайнат, не слышал твоих песен... Расскажи, как живешь? Не обижают ли тебя мои старшие жены? Не бойся. Говори правду...

– О чем ты? – Задрожали черные стрелы ресниц. – Мы живем дружно. Что нам делить? У всех у нас большое хозяйство и муж, которого мы ждем.

– Так ты счастлива в моем доме? – Шамиль усмехнулся в душе нарочитой покорности своей младшей жены. Глядя на нее, ему хотелось одного: отдыха и нежной ласки своей любимицы. Но он держал себя в руках, не желая торопить выпавшее им время. – Посмотри на меня, не прячь свой звездный взгляд. – Он прижал к груди ее руку, украшенную серебряными браслетами заглянул в лицо: – Что с тобой, Шуайнат? Почему радость померкла на твоем лице? Да пребудет с тобой Аллах, не молчи. Без твоей улыбки и смеха все исчезнет для меня, все умрет, жизнь станет мне ненавистной.

Шуайнат взглянула взволнованно, плеснула на него синей бирюзой своих глаз, и что-то невыразимо томительное закипело у нее в груди, поднялось к горлу, перехватив дыхание. Дрожащими пальцами она схватилась за золоченый ворот гурди²¹ с силой оттянула его, сорвала застежку.

– Да что с тобой? Почему не смотришь на меня? – Шамиль нахмурил брови, потемнел взором.

– Боюсь за тебя, любимый. Боюсь, что смерть отнимет тебя у меня...

– Ну что ж... значит, так будет угодно Аллаху. – Он провел по лбу рукой и вновь усмехнулся. – Разве жалеешь меня?

– Зачем так жестоко говоришь? Я ведь жена твоя!

– Да, ты жена моя, а я твой муж. Не хорони меня прежде времени... Ты еще должна мне родить сыновей. Кто после меня будет защищать наши горы? Женщина! Не сердь меня, скажи что-нибудь!

– Что мне сказать? Я очень люблю тебя... Долго не звал к себе, – печально отозвалась она.

– Так в чем же дело? Продолжай любить, как люблю тебя я. Раньше ты говорила со мной. Много сулила, когда твои родственники – брат и дядя – приезжали из Моздока забрать тебя... Разве забыла? – Он указательным пальцем подцепил ее поникший подбородок и приподнял так, чтобы видеть ее «небесные» глаза. Но не было в них привычной и любимой им бирюзы, не было солнечных искр юности.

– То было раньше, Шамиль, – тихо сказала она, – теперь все изменилось.

– «Теперь»?.. Что значит «теперь»?! Я стал для тебя стар? Говори, женщина! Зачем же ты осталась в моем дворце, когда тебя бросил к моим ногам бесстрашный Ахвердил-Магома? Разве я не спрашивал тебя: «Скучаешь ли ты по своему дому?» Разве не говорил, что отпускаю тебя? Разве ты хоть день была у меня рабыней или пленницей?!

Вспыхнувший черным огнем взгляд полоснул по нежным персиковым щекам.

– Волла-ги! Зачем же ты меня поманила? Зачем околдовала своими чарами? Чтобы теперь, два года спустя, сбросить меня со своей тропы!.. Ужели ты не любила? Ты!.. Ты была

---

²¹ «В предгорной и частично горной полосе Дагестана были распространены платья, известные в литературе под названием «архалук». Шили их в талию с прямым разрезом сверху донизу, с узким лифом и пришитой юбкой в мелкую или глубокую складку, широкими и длинными (до пят). Платье имело откидные рукава, иногда с разрезом ниже локтя. У даргинок оно называлось «лабада» или «гурди», у аварцев «горде», у кумычек – «арсар» и «бузма», у лезгинок и табасаранок – «валжаг» и т. д. На Западном и Центральном Кавказе в моде были платья типа «кьябалай» – приталенные, с открытым грудным вырезом, широкой закрытой спереди юбкой в складку и рукавами на манжете. Вырез украшался яркой отделкой из узких шелковых лент, пришитых с двух сторон в виде галунов. Такие платья охотно носили черкешенки, кабардинки, балкарки, осетинки и многие другие женщины Кавказа. От них эта мода в середине XIX века перешла к кумычкам (они называли платье «асетин полуша») и затем распространилась на весь Дагестан. Женскую нательную одежду составляли широкие и узкие штаны и туникообразная рубаха, длиной почти до пят. Рубаха, как правило, имела широкие спущенные плечи, прямые широкие и длинные рукава, на груди вырез, иногда узкий воротник. У шеи рубаха застегивалась на одну пуговицу или застежку. В некоторых районах Дагестана поверх рубах женщины-горянки носили (особенно во время работы) широкие матерчатые пояса («иржи» или «ижи») // Там же.

послана шайтаном, чтоб надсмеяться надо мной, – так?! Что ты ответишь Всевышнему, Шуайнат?

– Шамиль!.. – вспыхнула она, но он оборвал ее:

– Ты, я вижу, позабыла меня... Но знай, сколько б я ни отсутствовал, сколько б ни воевал с гяурами, я по-прежнему люблю тебя, как нежный весенний цветок, распутившийся в моей окаменевшей душе.

Отчаянье захлестнуло Шуайнат. «Глупая... Я-то думала, что Шамиль вырвал меня из своего сердца, давно позабыл... Боже, как может ошибаться и ревновать любящее женское сердце! О Небо, он все еще любит меня! Ангелы, уберегите его от пуль и сабель врага!»

– Молчи! – Она затрепетала, как пойманная в силки пташка. – Молчи, ради Аллаха! Ты не знаешь, как счастлива твоя Шуайнат! Клянусь, если бы ты забыл меня... я бросилась бы со скалы.

– Э-э, не надо так. – Шамиль, теплея складками морщин, притянул Шуайнат к себе и жарко зашептал на ушко: – Зачем гневить Создателя? Кого ты полюбила, за того и вышла замуж. Кого не желала, от того избавилась. Зачем тебе кончать с собой?..

Сладостная дрожь охватила Шуайнат от услышанных слов... Ее трепетное состояние передалось и имаму, давно не видевшему свою возлюбленную. Суровый, закаленный в бесчисленных боях воин – он больше не в силах был сдерживать страсть и благодарил в душе милостивого Аллаха, что тот вновь позволил любоваться юным цветком, оказавшимся нечаянной наградой в его походной судьбе. Имам видел, как начал распускаться этот нежный бутон, как в прекрасных глазах заиграла солнечная бирюза... «О жизни я не жалею, – признался он себе, – об одном лишь горюю... что нет на нашей многострадальной земле мира».

– Шуайнат... любовь моя, Шуайнат...

Шамиль не успел вымолвить слова признания, как быстрые руки обвили вокруг его шеи, сбили с наголо выбритой головы маленькую ночную папаху. Чувствуя теплый аромат ищущих губ, ощущая, как под тонким архалуком колышется упругая юная грудь, а меж его пальцев струятся прохладные ручьи шелковистых волос, он забыл обо всем. Безумный мир, полный крови, тревог и предательства, горя и слез, исчез, будто уплыл куда-то... Шамиль забыл о войне, завалах на тропах и «волчьих ямах», забыл о ночи, которая подходила к концу, забыл о самом себе, и страсть, одна только страсть безраздельно завладела им. Слыша шепот Шуайнат, обнимая ее перламутровые горячие плечи, стискивая в крепких объятиях вырывающуюся, но тут же обвивавшую его плоть, он молодец телом и душой, наливался силой, чувствуя, как набухают твердью мышцы его рук и плеч... Измученный войной, горем бесконечных потерь, он осознал сейчас, как любит его самый родной и желанный человек в этом мире; любит всеотдающей, бескорыстной любовью.

На персидские сундуки и лари, покрытые золоченой медью и серебром, на пестрые ковры и медвежьи шкуры летели атласные и парчовые подушки, накрахмаленный тюль и стеганный шелк верблюжьих одеял...

Он вслушивался в заполошное биение ее сердца, стонал вместе с нею, рычал, как лев, и еще сильнее прижимал к пестревшей шрамами груди свое единственное сокровище, и пил, ненасытно пил сладость торжествующей жизни...

Он не помнил, когда усталость и млечная пустота сумели потушить их огненную стихию любви...

Небо на востоке начинало розоветь. Первые робкие лучи осветили снеговые хребты гор, смугло белевшие сонными, златорунными облаками. В воздухе разливалась предутренняя прозрачность; с дальних склонов, поросших непроходимыми лесами, тянуло прохладой и росистой свежестью, в которую вплетался горьковатый запах далеких пожарищ.

Глава 4

– Любимый... – Легкое прикосновение вывело имама из сладкого забытья... Пальцы Шуайнат нечаянно задели недавнюю, еще не совсем затянувшуюся рану. Шамиль застонал – алое пятно корявой кляксой проступило сквозь нательную рубаху на его плече.²²

– О Небо!.. Ты ранен... я забыла... Прости! Прости! – Ее бархатные брови изломило сострадание. Пылая волнением, она смятенной ланью бросилась в чулан за пластырем и ватой, но Шамиль лишь отмахнулся от ее суеты:

– Эта рана – пустяк. Девятнадцатая у меня по счету... Она заживет. – Шамиль, взяв из рук жены клочок ваты, вытер кровь на плече. – Другое дело Кавказ... – Имам пристально посмотрел в ее бирюзовые глаза. – Он истекает кровью. Вот рана, которую трудно залечить.

Помолчав минуту, Шамиль поднялся с нагретого ложа.

– Скоро рассвет. Собирайся. После намаза ты уедешь с Патимат и Написат. Идиль Веденский с нукерами будет сопровождать вас.

Она ничего не ответила, слегка побледнела, опустила голову.

Шамиль снова посмотрел на нее долгим взглядом.

– В чем дело?

– Сердце мое противится, не советует мне уезжать... Дозволь остаться с тобой...

– Не спеши говорить, жена, спеши делать. – Шамиль завязал учкур на шарварах, накинул на себя рубаху «хиева», взялся за бешмет. – Что стоишь? Собирайся.

– Но куда? Зачем? – На прекрасных ресницах заискрилась роса слез.

– Поедешь в Ведено. Здесь я не смогу вас защитить.

– Нет, любимый... Я... я всего лишь женщина, но я жена твоя... Я должна идти за тобой, готовить пищу, рожать от тебя детей. Иначе я ничего не буду значить на земле.

– Вот именно... – Он усмехнулся и отпил из серебряной пиалы холодный чай. – Ты всего лишь женщина, которая забыла, что значит слово мужа. В моих горах говорят: «Смирная кошка большой кусок сала съела». Говорят и другое: «Баба и лошадь – одно, для обеих плеть создана».

---

²² Медицина у горцев была превосходно развита. Ф. Ф. Торнау писал: «Надо отдать справедливость искусству, с которым горские лекари вылечивают самые опасные раны. Ампутации, как таковой, у них нет в употреблении, и мне не раз случалось видеть кости, сросшиеся после того, как они были раздроблены картечью». Пристав при Шамиле А. И. Руновский оставил в своем дневнике любопытную запись: «В горах есть люди, врачующие положительно любые раны и ушибы. Их познания и медикаменты несравненно разнообразнее наших, а результаты лечения могли бы показаться невероятными, если бы не было в Дагестане еще множества людей, раны коих служат живым подтверждением сказанного. Словом, нет той раны, огнестрельной или от холодного оружия, которую дагестанские медики не излечили бы, за исключением ран смертельных или того еще случая, когда потеряно слишком много времени. Но и тут мы видим исключение в лице того же имама Шамиля, который, получив смертельную рану, все-таки был вылечен тестем своим Абдул-Азизом – искусным лекарем и знатоком трав». Знаменитый хирург Н. И. Пирогов, посетивший в 1847 году Кавказ и впервые во время боев за аул Салта оперировавший под наркозом русских и горских воинов, писал в своем отчете: «При лечении свежих сложных переломов употребляется вместо неподвижной повязки шкура, снятая с барана, только что убитого. Перелом обертывается этой кожей, внутренняя сторона которой обращается к наружной поверхности тела. Повязка остается несколько недель без перемены, а шкура, высыхая на теле, образует род твердой и неподвижной коробки, в которой покоится страждущий член (гипсовых повязок медицина тогда еще не знала). Наконец, курдюки (мешки с жиром, висящие у хвоста барана) играют у них также важную роль в лечении наружных повреждений. Кусок курдюка вкладывается обыкновенно вместо корпии в свежую рану». По свидетельству главного врача Эриванского госпиталя П. Попова, автора статьи «Лечение ран у кавказских горцев» (журнал «Смесь», 1855, № 2), горские лекари (хакимы, гахимы, екимы) в своих действиях руководствовались следующими принципами: «Остановить кровотечение из раны, удалить из нее посторонние тела, предотвратить воспалительное состояние в ней и в периферии ее, способствовать хорошей грануляции и доброкачественному нагноению в ране и заживлению ее». Собственно, такие же методы применяет и современная хирургия. Активно горцы использовали в лечении и яды, которые добывали главным образом из скорпионов, тарантулов и фаланг, обитавших в Южном Дагестане. В малых дозах их применяли в мазях, как обезболивающее и т. д. Примерно так же дело обстояло с ядовитыми грибами. Кроме медицинских целей, яды употреблялись и по прямому своему назначению – в основном зная: в борьбе за власть, для устранения врагов и в прочих интригах. Известно, что Шамиля пытались отравить несколько раз.

Он прошел вдоль огромного ковра, который сплошь был увешан клинками арабских и кавказских мастеров-оружейников; опустил пиалу на низенький круглый треножный столик, уставленный кусками вареной баранины, сыра и восточными сладостями, насупился и словно забыл о ней.

– А у нас говорят: «Кто ада не видел, тому рай не полюбится». Пусть в Ведено отправляются твои старшие жены с детьми, мой повелитель. Я же хочу разделить с тобою свою судьбу. Зачем я принимала вашу веру? Кто я теперь – армянка, чеченка, даргинка? – не знаю... Но знаю: я – твоя навек. Нет у меня больше дома в Моздоке. Отец и братья прокляли меня. Но прощенья их мне не надо. Твой дом – мой дом. Прикажи бежать у стремени твоего коня – в кровь ноги сотру. Лишь тебя люблю! Целыми днями жду, когда позовешь!

«Вот за это я и люблю тебя больше жизни, – сдвигая жесткие брови, подумал Шамиль. – Вот поэтому и хочу уберечь тебя, чтоб ни один волос не упал с твоей головы».

– Спасибо за добрые слова, Шуайнат. Хорошего коня узнают по походке, хорошую жену – по поступкам. – Он потрепал ее по щеке, затем открыл одну из кубачинских шкатулок, украшенную сценами охоты и звериного гона; вынул из нее нитку рубиновых бус, похожих на застывшую на морозе кровь, и надел на белую шею любимой. – Это тебе за верность. Носи на здоровье.

От этих ласковых слов вспыхнули румянцем нежные щечки, ликующее сердце учащенно забилося, вздымая высокую грудь. Припав к руке мужа, она целовала его жесткие мозолистые пальцы, которые уже более тридцати лет ни на день не прощались с оружием.

– Значит, я могу остаться с тобой? В этом доме? – В ее голосе прозвучала надежда.

– В Ведено у меня тоже есть дом. Надеюсь, ты побережешь его, врагу на посмешище не предашь.

– Шамиль!..

– Прощай. Последний раз говорю – собирайся. Весь мир против меня. Кто знает... Возможно, моя смерть это вопрос сегодняшнего дня.

– Значит, будем жить и ждать вместе этого часа!

– Женщина! – Он резко оттолкнул ее от себя и сорвал со стены плетень. В лице имама проявилось непреклонное, мрачное выражение, которого в горах боялись даже самые отчаянные сердца.

Не смея больше перечить мужу, Шуайнат торопливо, как бы искупая перед ним свою вину, оделась и собрала вещи. Но прежде чем уйти, она положила перед мужем на сундук сделанные ее руками новые, расшитые бисером чувяки, черкеску и пояс.²³

* * *

---

²³ «Во время путешествия через горы, – вспоминает барон Ф. Ф. Торнау, – я совсем износил мое платье; черкеска была в лохмотьях, обувь едва держалась на ногах. У горцев Кавказа существует замечательный обычай размениваться подарками с новым знакомым. Одаривать вещами и провиантом отправляющегося в путь кунака. На основании этого обычая кстади принесли мне на другое утро от имени моей хозяйки новую черкеску, ноговицы и красные сафьянные чувяки, обшитые серебряным галуном, который горянки умеют изготавливать с неподражаемым искусством. Все эти вещи отличались хорошим вкусом, особенно чувяки – обувь без подошвы, на которую знатные горцы обращают особое внимание в своем наряде. Они шьются обыкновенно несколько меньше ноги, при надевании размачиваются в воде, натираются внутри мылом и натягиваются на ноги подобно перчаткам. После того надевший новые чувяки должен лежать выждать, пока они, высохнув, примут точную форму ноги. Под чувяками впоследствии подшивается самая легкая и мягкая подошва... Одежда горцев, начиная от бараньей шапки до ноговиц, равно как и вооружение, приспособлено как нельзя лучше к конной сече. Особенно восхищает черкесское седло – оно имеет важное достоинство не портить лошади, хотя бы оно по целым неделям оставалось на ее спине». «...Значительное внимание уделялось мужским поясам. Их готовили из прочной, очень качественной кожи, т. к. кинжал и пистолет висели именно на поясе, который обильно украшался серебром или медью. В настоящее время пояса еще часто встречаются, они отделаны серебряными накладками по всему кругу. Сбоку, с двух сторон свисают от одной до трех-четырех кожаных лент длиной не более 20 см, с серебряными пластинами. Эти свисающие ленты (язычки) ранее имели практическое значение. К ним можно было что-то подвязать, на них крепились коробочки-чехлы, в которых хранились кремни, пыжи, масло, жир и т. д. Впоследствии они утратили свое практическое назначение и стали украшением пояса» // Асхабов И. Чеченское оружие.

...После того, как омовение и утренняя молитва были закончены, имам вызвал к себе своего тестя – лекаря Абдул-Азиза, обработать вновь открывшуюся рану. Пока старик варил новый пластырь из толченого льняного семени и перепелиного желтка; пока готовил для остановки кровотечения смесь, в мудреный раствор которой входил порошок из сушеных чернильных орешков, сосновой смолы, золы, грушевой муки и высушенной свежей человеческой крови²⁴, Шамиль напряженно думал о том, все ли готово у него на позициях для встречи врага. Уткнув тяжелую голову в ладонь и закрыв глаза, он вспоминал свой вчерашний объезд передовых форпостов. В составе его сопровождения находился бывший царский офицер, тот самый польский граф, полковник Извинский, которого ближайшее окружение имама нарекло – Диамбег-Борги.

...С каменным лицом выслушивая доклады то и дело подъезжавших к нему мюршидов, Шамиль ни на миг не упускал из виду поляка. Имаму была небезразлична реакция бывшего царского офицера Генерального штаба на увиденные им оборонительные рубежи для защиты Дарго. Но не только это заботило Великого горца. Всю жизнь он полагался прежде всего не на ум и даже не на боевой опыт, но на свое звериное чутье, которое ни разу не подводило в самые трудные и роковые моменты его жизни. И теперь эта природная интуиция не давала ему расслабиться. Шамиль с первого дня их знакомства выделил для себя острую память поляка, запоминавшего любую мелочь, сказанную в разговорах.

...Общаясь с перебежчиком, имам держал ухо остро, вслушивался в интонацию иноверца – нет ли в ней тайной насмешки, какого-нибудь скрытого смысла. Цепко следила за поляком и охрана Шамиля, наблюдая за каждым жестом и поворотом его головы своими черными, жгучими, как у хищных птиц, глазами.

– Что скажешь, Диамбег-Борги? Прочны ли наши завалы? Хороши ли «волчьи ямы», расставленные на русского медведя? – Краснобородый Шамиль чуть улыбался уголками губ.

– Да. Предчувствую, тут будет много пролито крови.

– Чьей? – Взор гимринца стал острым, как сталь.

– Полагаю, не только русской... – выдержал взгляд имама Извинский. – Хорошо, что земля сухая. Русские не смогут подойти бесшумно к вашим форпостам.

– Егеря никогда не скрывают своего шага, – снисходительно усмехнулся над замечанием офицера Шамиль, но полковник отрицательно покачал головой:

– Я говорю не о них... У Воронцова неплохая разведка. Она может прежде доложить в штаб, в каких местах находятся ваши «сюрпризы» для русской пехоты и кавалерии. Кстати, эта разведка на две трети состоит из ваших горцев... Смею полагать, они столь же искусные следопыты, как и...

– Они не горцы, Диамбег-Борги! – Скулы Шамиля дрогнули и налились темным свинцом. – Горы отреклись от них. Они оказались шакалами и, клянусь Кораном, сдохнут ими... Что же до разведки урусов, – имам куснул зубами упрямый завиток своей огненной бороды и твердо скрепил: – ...мои ичкерийские волки уже позаботились об этом.

Георгий благоразумно промолчал. Спорить с деспотичным владыкой гор, от которого всецело зависела его судьба, тем более на столь щекотливую тему, было равносильно самоубийству. Ко всему прочему, за последние пять дней своего пребывания в Дарго он узнал истинное положение вещей. И оно, по всем статьям, было не в пользу графа Воронцова. Силы горцев значительно превосходили количество мундирной силы царских полков. Мюриды Шамиля, и вправду, подобно голодным волчьим стаям, день и ночь рыскали вокруг измученных поредевших отрядов неприятеля, вынюхивали тропы, прислушивались к вою ветра, ржанию казачьих табунов и безжалостно выбивали свинцом зазевавшихся егерей. Поляк не мог нарадоваться и хищной сути горцев, их инстинктам погони и кровной мести, которым столичные стратеги с

---

²⁴ См.: Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

бездарной неловкостью и раздутой самонадеянностью год за годом хотели противопоставить свою имперскую волю третьего Рима и безуспешно навязать правила европейской войны.

Одно раздражало Георгия в басурманском стане, вселяя неуверенность, а то и тихое бешенство. Горцы, как ни крути, признавали в нем лишь гяура-перебежчика и потому не доверяли... Не доверял Извинскому и Шамиль, видя в вероломном двуличном поляке скрытую до поры угрозу.

«Неблагодарные скоты, морды татарские... так и зрят во мне тлеющий фитиль царской разведки... Где им понять сердце шляхтича, разобраться в причинах, побудивших меня изменить императорской присяге?.. – со злой иронией усмехался в душе Жорж. – Похоже, для этих волков я – сочный кусок парной телятины, который в их скопище подбросил Воронцов, предварительно обваляв его в смертоносном стрихнине. Ну, да черт с их химерами... Лишь бы мой ход в этой партии послужил победе в задуманной игре».

– Русские на Дарго пойдут двумя отрядами. Уверен, с разных сторон... – Георгий натянул повод и посмотрел на ехавшего рядом Шамиля. Ни тени эмоций не было видно на бесстрастном и холодном, как наковальня, лице имама.

– Это я знаю. Что еще скажешь, союзник? – Шамиль, похоже, хотел уязвить царского полковника-дезертира, задеть в нем гордость и честь и тем самым вызвать его на горячий и откровенный разговор. Но тот не поддался на уловку гимринца и сдержанно продолжал:

– Их фланги, как обычно, будут защищены боковыми прикрытиями. Обозы, кавалерия, больные и раненые, фуражиры и прочая обслуга будут находиться внутри колонны. Вы знаете, русские не бросают раненых...

– Мы тоже. – Шамиль, понимая, что прием его не удался, и он вынужден временно отступить, смягчил тон: – Что дальше, Диамбег-Борги? Я рад, что Аллах послал нам тебя.

– Было бы хорошо еще на подступах рассечь их оборону, пока артиллерия в строю... Рассеять пехоту по лесу и уничтожить. Сильные стороны врага: это его тяжелые дальнобойные орудия и штыковые атаки... Куринцы и кабардинцы – испытанный народ, бравости духа им не занимать.

– Это ты мне говоришь? – не удержался Шамиль. – Мои шашки рубят их уже двадцать пять лет!

– Вот именно, «уже двадцать пять лет»... и что же?

– Да... – Имам с трудом подавил в себе вспышку гнева. – Урус смелый в атаке, это правда... Но если я соглашусь с твоими доводами, чем докажешь, что это не западня? Неужели ты думаешь, сардар, я так глуп, что поверю на слово и брошу своих воинов Аллаха на штыки гяуров по твоему совету?

– Я что-то не пойму вас, высокочтимый имам... Кто у кого из нас спрашивает совета? И почему вы не доверяете мне? Зачем тогда было дарить мне столь дорогую вещь? – Георгий вытер платком со лба выступивший пот и похлопал рукой по кривой сабле в узорных золоченых ножнах.

– Придержи язык, полковник. Желания и действия имама не обсуждаются. Так чем докажешь свою правоту?

– Пошлите лазутчика. Пошлите целую партию, если угодно! И вы убедитесь в верности моих слов.

– А если все это изначально задумано вашей разведкой? – Шамиль, глядя исподлобья, зловеще усмехнулся.

– Ну как мне вам доказать? – теряя на миг самообладание, выкрикнул Георгий. – Решайте сами. Вам виднее.

– Не сомневайся. Решим. —Имам лениво посмотрел на солнце, на бредущие в небе стада облаков, на угрюмую свиту своих мюридов, готовых по одному его кивку разорвать на части неугодного человека... и вдруг дружелюбно обратился к поляку: – Ты обижаешься – «почему

не доверяем»? Да потому, что ты покуда не наш. У нас говорят: «Осла в табуна уши выдают». Да, порох и свинец, некоторые сведения о дислокации урусов... это все хорошо. Но я и хорошо платил тебе, Диамбег-Борги. Не ленись, полковник. Я трачу на тебя много серебра, очень много, лишая его других. Не разочаруй меня... А насчет «доверяем – проверяем» – не бойся, уважаемый. Огнем и водой клянусь, у тебя еще будет время доказать свою братскую преданность и верность Кавказу. Тебе скажут, когда придет время. И запомни: будешь сладок людям – проглотят, будешь горек – выплюнут. Держись золотой середины – не прогадаешь.

...После этого разговора они небольшим отрядом – в двадцать папах и шашек – промчались по горному склону, по которому чабаны с хмурыми лицами гнали большие отары овец. Сбившиеся стада, оглашая тревожным и жалобным блеяньем воздух, уходили высоко в горы, минуя свои аулы и кошары с тем, чтобы переждать там огонь и ужас войны. Пастухи – стар и млад, закутанные в бурки и башлыки, старались обогнать друг друга; размахивали длинными посохами, кричали на своих кудлатых собак, ругались между собою: никому не хотелось долго задерживаться в тесном и опасном ущелье, которое вот-вот должны были затопить волны русских штыков.

...Имам резко остановил отряд у обрыва горного кряжа. Ураганы и ветры прогрохотавших столетий изгрызли его, и трещины расселин, зиявшие у его подножья, были завалены каменной осыпью, поваленными стволами деревьев и огромными валунами.

Полдень был совершенно ясный, небо очистилось к этому часу от облаков, всадники находились на высоте нескольких тысяч футов,²⁵ и перед ними открывался горизонт более чем на сто пятьдесят верст. В другое время Георгий, без сомнения, наслаждался бы величием открывшейся панорамы, но только не в этот раз.

– Шайтан гяур! Вон они! – Шамиль плетью указал мюридам направление.

Воины скупились вокруг своего вождя, обострили зрение и слух. Ломкая тишина прерывалась металлическим звяком конской сбруи, случайным стуком ножен о стремя, хрустом гальки под неподкованными копытами горских скакунов; где-то в скалах в ястребином гнезде на разные голоса гукали и пищали голодные птенцы.

Жорж, подверженный общему состоянию возбуждения, тоже обратил свой взор на юго-запад. Дремучий темный лес, заросший непроходимым курстарником и густо перевитый плющом, шумел перед ними. Но сразу за его границей, там, где начиналось открытое горное плато, бурая земля пестрела биваками противника. Словно рассыпанное конфетти, тут и там белели палатки русских войск; в прозрачное голубое небо тянулись сизые дымы обеденных костров и песни отдыхающих солдат.

На правом фланге, там, где находились Чеченский отряд и Главная квартира экспедиционного корпуса, наблюдалось оживленное перегруппирование полков, и до накаленного слуха долетали обрывки барабанной дробы.

Извинский скрытно поглядывал на горцев. Мюриды нервничали, скалили зубы; кони под ними беспокоились, не стояли на месте, будто их нещадно жалил овод.

– Уо! Дэлль мостугай – враги Аллаха! Да утонете вы в крови, ублюдки шайтана! Да иссохнет ваш род, а ворон выклюет глаза. Эй-я!! – Шамиль дернул злые удила, подняв жеребца на дыбы. – Клянусь Аллахом, с живых будем шкуры сдирать! Каждый камень Дарго обмотаем их жилами... Едем!

---

²⁵ Мера длины, равная 12 дюймам (30,48 см); в английской системе мер и в России до введения метрической системы мер.

Глава 5

...Когда отряд возвращался в Дарго, настроение Шамиля неожиданно для всех настолько улучшилось, что Жорж не преминул спросить:

– О тебе, имам, ходит молва среди государевых слуг...

– Без нужды лающая собака скоро стареет. Обо мне много говорят праздные языки...

Что именно?

– Я слышал от одного офицера в Грозной, дескать, еще в молодости вы были окружены со своим учителем Кази-Магомедом в Гимринском ущелье и заперты в боевой башне... «Когда последняя надежда исчезла, – утверждал тот поручик, – Шамиль прыгнул вниз на наши штыки и кинжалом расчистил себе дорогу. Больше двадцати ран получил он, но все-таки ушел в горы. И мы, и горцы были уверены, что он погиб, но...»

– Твой поручик не врет, полковник. Было дело. Только ран у меня тогда случилось не двадцать, а всего восемнадцать, – с усмешкой поправил горец. – Вода уходит, камни остаются.

– Но это невероятно... Как вам удалось остаться в живых?.. Восемнадцать ран!..

– Милостью Всевышнего. Это Он дал мне силы доползти до заветного родника.²⁶ Каждый человек должен иметь свой родник. Даже жница никогда не устанет в полуденный зной, если вблизи поля журчит холодный родник. Когда я появился в своем ауле, моя мать, успевшая уже одеться в траур, спросила со страхом и радостью: «Сын мой... как же ты выжил?..» – «Набрел на родник», – ответил я.

...Отряд свернул на узкую пастушью тропу – она, круто срезая угол, напрямик выводила к саклям Дарго. Георгий глядел за густой засев в пересохшей земле лошадиных и овечьих следов, на знакомые очертания скалистых склонов, по извилистой ложбине которых они проезжали пару часов назад. Граф мазнул взглядом имама, к которому у него оставалось еще много вопросов. Гимринец покачивался в седле, держа спину прямо и гордо поднимая голову. Но выражение его лица не радовало сторонний взгляд: верхушки скул Шамиля заострились от вечных тревог, под утомленными глазами лежали сиреневые тени; безмерная усталость и какой-то скрытый внутренний надрыв чувствовались в его облике.

– Что хочешь еще узнать, полковник? – не поворачивая головы, глухо спросил он.

– О чем вы мечтаете, имам?

– Тебя действительно это интересует? – Шамиль с подозрительным любопытством посмотрел на царского офицера. – Зачем попусту сотрясать воздух? Сказанное слово – пушенная стрела.

– И все-таки? – Жорж приподнял левую бровь.

– Огонь и вода – вот судьба наших народов. Огонь и вода – отец и мать Кавказа... Огонь и вода – это хурджин, в котором лежит все наше добро. Я ответил тебе?

Граф Извинский неопределенно повел плечом:

«Ох, этот лукавый, коварный Восток... Уж больно велеречиво...»

– К сказанному добавлю одно. – Прищуренный взгляд Шамиля встретился с льдистыми глазами поляка. – Кавказу нужен мир. Но мир – не в тени штыков Белого царя. Наш рай под тенью сабель Ислама.

---

²⁶ «Конечно, это гипербола... Имама Шамиля в первую очередь спасла горская народная медицина и руки Абдул-Азиза; хотя нельзя и отрицать того факта, что именно близость родника дала возможность продержаться истекавшему кровью Шамилю до прихода помощи в лице одноверцев. Между тем, в Гимринском сражении Шамиль действительно получил смертельную рану (он был ранен штыком в грудь с повреждением легкого). Вообще же за всю свою боевую жизнь Шамиль имел свыше сорока (!) ранений, важных и неважных, огнестрельных и от холодного оружия...» // Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

– Мне трудно спорить с вами, высокочтимый... Но мой долг – друга и союзника – предупредить еще раз... У русского царя много полководцев. Знаю, есть они и у вас...

– Ты плохо знаешь, Диамбег-Борги. – Шамиль замолчал и долго смотрел на поляка. – Вот мои полководцы. – Шамиль широким жестом указал на возвышающиеся вокруг скалы и горы, на альпийские луга и кладбища. – Это они ведут нас вперед.

– И какие же будут ваши условия Воронцову?

– Условие одно: землю горцев пусть оставят горцам, а сам сардар пусть покажет свою спину, которая нам больше нравится, чем его лицо.

Шамиль внезапно свесился с седла, сгорстил иссохшую землю.

– Вот, видишь!.. – Он протянул собеседнику руку, на раскрытой ладони которой лежала земля. – Каждая крупинка ее бесценна! В этой щепоти я вижу наши аулы Дагестана и Чечни... волла-ги! – всего Кавказа. В ней я вижу своих храбрецов, давно уж взятых могилой. И тех, кто сложил головы на Ахульго, и тех, которые погибли в Хунзахе, и тех, которые остались лежать в каменистой земле близ аула Салты, и тех, которые похоронены в Гергебиле, и тех, кто погибнет завтра, защищая Дарго. В своих молитвах мы призываем их души к себе на помощь. Это наши горы, и мы не дадим их топтать чужим сапогам. Хорошо смотреть на мир, Диамбег-Борги, чувствуя под ногами родную землю. Когда человек рождается, он не высматривает родину, какая достанется. Разве мы выбираем родителей? Вот я слышу – вдали играет зурна. Знакомая мелодия, знакомые слова, и мне тепло становится на душе. «Цену света во тьме узнают», – говорят у нас.

– Все так, имам. Мне как никому другому понятны твои настроения и слова. Моя Польша, моя земля... тоже стонет под царским сапогом.

Шамиль не ответил. Молчал и Георгий, мерно позвякивая кавалерийскими шпорами в такт лошадиной поступи. В глазах его была упорная и тяжелая мысль. За их спинами скупно переговаривались пылившие следом горцы; тренькали стремяна и уздечки, кони нетерпеливо взбрасывали вверх головы, ускоряли шаг, чувствуя близкие запахи родных табунов.

– Я читаю твои мысли, полковник. Ты волк, отбившийся от своей стаи. Знаю, эти слова режут твой слух, но это слова правды. Мы разной веры, Диамбег-Борги. Но ты наш друг, и у нас общий враг. И я спрашиваю нашего друга, полагаясь на его ум и сердце, – с какой-то особой высокопарностью молвил Шамиль: – Отвечай, горец – человек?

Георгий непонимающе посмотрел на верховного предводителя мюридов, но тут же, подчиняясь его тону, так же торжественно ответил:

– Да, имам. Горец – человек.

– Настоящий человек?

– Да, имам. Настоящий человек!

Шафрановый луч солнца, пробившийся сквозь сумрачную зелень листвы, высветил лицо поляка. Георгий заметил, как все напряглось в этот миг в Шамиле. Наконец имам облегченно вздохнул и провел ладонью по искрящейся бороде.

– Хвала Аллаху. Я видел по твоим глазам... ты ответил мне умом и сердцем. Вот слова правды! – Вождь повысил голос так, чтобы его слышали остальные. – Так говорят наши горы, так говорит Коран, так сказал и ты, Диамбег-Борги. А шакал-урус утверждает: горец – собака, хуже собаки! Горцу нужен кнут, а если горец оскалит зубы – пуля!

В напряженном гортанном голосе имама звучали ненависть и уязвленная гордость:

– Эти выродки шайтана издеваются в своих крепостях над нашими стариками и женщинами. Одних они таскают за седые бороды! Силой отбирают при входе у них кинжал – гордость и честь мужчины!.. Других обыскивают, ощупывают руками, заставляют платок с головы снять... Для горянки это то же, что для русской на колени встать!.. Как говорить после этого с ними? Это узел из тех узлов, что получают, когда завяжут вымоченный в крови ремень. Во все времена ничто другое не заставляло народы так часто схватываться за сабли, как про-

литая кровь, национальная рознь и вера. Скажи, полковник, по совести скажи, у Белого царя из Петербурга много солдат, готовых прийти с оружием к нам?

– Да, имам. У царя солдат больше, чем ты даже можешь представить. Больше, чем листьев в твоих лесах. Те, что стоят у Дарго, лишь их малая часть.

– До ушей дошло, а в голову не входит, – склоняясь к гриве коня, мрачно процедил Шамиль. В черных глазах его были боль, гнев и, как показалось Извинскому, страх неуверенности перед грядущим. Отчаянье из-за невозможности изменить ход событий сдавило его грудь железными обручами. Имам понимал: поляк-перебежчик не лжет. И в этом признании самому себе слышался грозный голос предначертания судьбы, которую не в силах изменить ни один человек на свете.

– Может, ты и прав, Диамбег-Борги... Может, и прав... Но я всегда говорю своим людям: не будьте мелкими... даже если вы малочисленны. И малый топор рубит большое дерево. Пусть нас мало, но мы – горцы! Воины и старики, женщины и дети, все возьмут оружие! Спроси у любого подростка в наших краях: видел ли он в своей жизни огонь? Прошел ли через него? «Я бросался в него, как в воду», – будет ответ. «А приходилось ли тебе знать, что такое ледяная вода? – спросишь ты его. – Приходилось ли тебе бросаться в нее?» – «Как в огонь!» – ответит джигит. Так нашему ли народу бояться смерти? – Шамиль кольнул надменным взглядом Георгия. – На долю горцев немало выпало испытаний. Немало бил молот судьбы по саклям Кавказа, чтобы раздробить их, но они устояли. Кто-то и теперь стены башни грозитя пробить куриными яйцами. Подождем, союзник. На дне терпения оседает золото. Уже завтра Аллах рассудит нас...

Глава 6

Тени стали вытягиваться, когда имам, окруженный мюридами, под воинственную ружейную пальбу и крики «Аллах акбар!», объявился в Дарго. Защитники аула, по обыкновению бросив работы, горячо приветствовали своего повелителя и в знак всеобщего ликования также стреляли из ружей и пистолетов; почтительно прикладывали руки к груди, падали на колени и стояли так до тех пор, покуда кавалькада не проезжала мимо.

Шамиль отвечал на приветствия одноверцев сдержанным кивком головы, время от времени тоже прикладывая ладонь к груди. На его суровом лице теплилась едва уловимая, напускная улыбка – необходимая в эту минуту, но на сердце не пели птицы. После объезда позиций и заслушивания докладов своих наивов-военачальников, после беседы с поляком он испытывал раздражение и усталость. Несмотря на все заверения и клятвы верных ему муфтиев и дибиров – «гяур будет разбит!», Шамиль не испытывал того желанного ощущения удачи, которое сопровождало его обычно перед сражением. Зато его охватила лихорадка повышенной живости и суеты. Это шальное, огнистое чувство, не раз знакомое ему за годы войны, было предвестником беды. Подобно гашишу, оно дурманило разум, погружая его в самонадеянную слепоту, за которой, как правило, следовали обманутые надежды, поражение и большая кровь. Тревожила имама и переменчивость в настроениях равнинных чеченских племен, многие из которых (в случае разгрома русскими) были готовы перейти на сторону победителя.

Зачем скрывать? – шила в мешке не утаишь. В окружении имама было немало продажных наивов, завистников и лжецов, которых он сам сделал знатью и которые обманывали и предавали его, думая лишь о собственном благе, а не о благе своего народа и родины. Шамиль помнил, как мюридов Кази-Муллы постигла неудача в Аварии, где воины Аллаха были биты от Хунзаха не только русскими пушками и штыками, но и горскими шашками. Ныне Авария была под его знаменем, изменники казнены, а их тейпы вырезаны, но кто знает... что будет завтра?.. «На Аллаха надейся, но коня привяжи покрепче», – издавна говорят в горах.

Все эти размышления отравляли настроение Шамиля, со всем этим предстояло разбираться и принимать самые суровые меры, но сейчас все помыслы имама сконцентрировались на одном – грядущем сражении.

...Над аулом янтарным абрикосом выросло солнце, под лучами которого, казалось, тлели, дымясь, облака.

Имам подъезжал к своей обители, где находился сераль²⁷, когда возбужденные крики толпы «урус-гяур!» ранили его слух.

Люди схватились за оружие, расступились; их напряженные воинственные взоры устремились туда, где горбатились отроги ущелья, в пещерах которого их предки издревле собирали селитру, где ею была усыпана, как солью, земля; там хранили и загодя запасенную серу; там же жгли горную березу, изготавливая порох.

Шамиль со своей свитой отчетливо видел, как над петляющей вдоль ущелья тропой поднялись и за клубились столбы пыли, быстро приближаясь к аулу. Скакали верховые, но гранитные гребни до времени скрывали их. Минута, другая... и над каменной гривой отвесной скалы внезапно объявились всадники – точно выпорхнули из-под земли. Их оказалось не менее двадцати. Силуэты наездников были вычеканены на чароитовом крае неба.

Их сразу опознали. Это были воины Джемалдин-бека Ахильчиева, которому было доверено охранять один из передовых завалов.

– Уо! Джемал!

– Джемал едет! Волла-ги!

²⁷ В странах Востока: дворец, а также его внутренние покои; женская половина во дворце, доме; гарем.

– С ним трое гяуров! – возбужденно, бряцая оружием, на разные голоса закричали собравшиеся.

Да, это Джемалдин-бек гнал коня в ставку Шамиля. И вместе с мюршидом, в окружении воинов-гази, во весь опор скакали царские «аскеры»²⁸. В руке одного из них, будто горящий факел, трепетал на древке белый флажок.

С десятков мюридов Шамиля барсами вскочили на горячих скакунов и понеслись навстречу Джемалу, который только что показался из-за последнего «колена» каменной гряды.

В бешеной скачке кони сошлись – голова с головой, завертелись в пыльной воронке из грив, оскаленных пастей, крупов и хвостов.

– Ассалам алейкум, Джемал! – приветствовали джигиты известного мюршида. – Да будет голова твоя всегда здрава! С чем хорошим приехал?

– Ваалейкум салам, братья! Имам у себя? – вопросом на вопрос ответил разгоряченный Джемалдин-бек и, услышав положительный ответ, обжег жеребца плетью.

...Когда отряд Ахильчиева с провожатыми остановился перед своим владыкой, все всадники тут же спешили и низко склонили головы. Поклонились имаму и русские офицеры.

Дарго утих, будто вымер. Слышно было, как на ближнем склоне жалобно блеял потерявший свою отару ягненок и откуда-то снизу, из распадка, ему призывно вторила обеспокоенная мать.

...Опрятный молодой юнкер Петр Белов, в руках которого мажорно и бодро трепетал на ветру белый флажок парламентаря, поднял голову и близоруко вгляделся в огромную враждебную толпу горцев, которая дышала злобой и ненавистью. Его беспокойный взгляд встретился со взглядом имама, не выражавшим ничего, кроме презрения. Не обращая внимания на приехавших русских, Шамиль, растягивая слова, устало спросил Извинского:

– Кто они? И зачем они здесь?

– Это парламентареры, имам. Они прибыли сюда по приказу командующего графа Воронцова... Полагаю, будут склонять вас к капитуляции.

– Вот как? – Под вздетой бровью Шамиля хищно блеснул черно-фиолетовый глаз, и сквозь нарастающий гул послышался его твердый голос:

– Люди общин! Люди свободного Имамата! К вам мое слово, слушайте меня! Вот стоят перед вами три гяура, три врага, посланные своим сардаром. По приказу Белого царя они вторглись в наши священные горы с оружием для дурного дела – убивать тех, кому эта земля была завещана предками и Аллахом. На Кавказе не принято скрываться от гостя, у наших народов принято приютить, обогреть и накормить путника или просящего. Адат говорит: «Гость в сакле – от Бога». Первых беглых урусов, которые пришли из-за Терека, мы приютили, помогли чем могли... Отвели им поля, дали баранов, кусок хлеба с нашей земли... И готовы были назвать кунаками... Но чем отплатили неверные нам?! Врагам они указали дорогу в наши аулы! Они помогали внезапно напасть на нас, чтобы предательски погубить тех, кто протянул им руку в беде! И вот теперь уже тридцать лет льется кровь в горах и на равнинах. Нет ни одного ущелья на Кавказе, ни одного аула, который бы хоть однажды не пострадал от этих поганых собак! Вы – люди общин – знаете низамы нашего Имамата... законы адата и шариата! Что скажете на это, люди?.. Я – ваш третий имам – поведал обо всем, так принимайте решение...

Шамиль замолк и, закрыв глаза, воздел руки ладонями кверху. Беззвучно прочтя молитву, он огладил себе руками лицо, соединив их в конце бороды.

– Э-э! Шакал-гяур! Гавары что... в свой защита! Гавары, сабака, если можищ-щ!! – истошно выкрикнул кто-то из толпы на ломаном русском.

²⁸ То же, что и нукеры; у горских народов Кавказа в XIX в. – воин, дружинник личной охраны военачальника, слуга (турк.).

В воздухе повисло напряжение. Горцы продолжали молча пожирать офицеров взглядами. Разъяренная толпа была похожа на голодную, лютую волчью стаю.

Русские, теряя самообладание, лихорадочно переглядывались, указывали на белый флаг, тщетно пытаясь объяснить озверевшей толпе, что парламентареры неприкосновенны.

Граф Извинский, остававшийся в конной свите имама, видел, как мертвенно посерело лицо молоденького юнкера в серебряных эполетах. Он был мил и хорош той особенной румяной девичьей красотой, которая столь пленяет юных барышень, от которой млеют зрелые дамы и ждут случая на балу или званом обеде, чтобы на них обратил внимание, пусть мельком и не всерьез, такой изысканный *beau garçon*.²⁹

Видел Жорж растерянность и на лице бравого, широкоплечего ротмистра Лунева из Дагестанского отряда князя Бебутова. Белая папаха, сбитая по-казацки набекрень, придавала ротмистру прежде беспечный и ухарский вид, но сейчас... тень смятения гуляла по его мужественному, с сабельным шрамом через левую бровь, лицу... И надетая набекрень папаха казалась нелепой деталью в его костюме.

Пожалуй, достойнее других выглядел Дмитрий Макарович Лужин, опытный кавказский офицер из 3-го батальона Апшеронского полка. На висках его загорелого лица инеем белела седина, но в глазах билась решимость, уверенность и сила. Он сурово и быстро оглядывал горцев, и презрительная, бесстрашная складка упрямо теснилась между выгоревших бровей. Видно, предчувствуя худое, майор, плюнув на этикет, чиркнул спичкой, закурил трубку, стиснув костяной мундштук углом обветренных, твердых губ.

Это был вызов – фитиль, поднесенный к бочке с порохом. У Рокамболя заныло между зубами. В толчее горцев вновь вспыхнула гневная ругань, тут же переросшая в дикий гвалт: угрозы, проклятья, обещания немедленной смерти, женские вопли...

«Да уж, попали вы, господа, на именины... – со злорадным сочувствием констатировал Жорж. – Право, не знаю, как вам придется изворачиваться и из шкуры выпрыгивать, чтобы выбраться из этого пекла живыми».

На краю площади, огороженной каменной стеной в виде полумесяца, где толпились старшины вайнахских селений со своими значками и жезлами, произошло оживление. Люди раздались, пропуская седобородого старика; народ признал в нем даргинского муфтия, хаджи³⁰, который не хуже самого имама разбирался в вопросах адатов гор и шариатского права. Жилистый старик в высокой папаче без промедления направился к Шамилю.

– Бисмилла, аррахман, аррахим! Все должны быть побиты камнями! – потрясая посохом, задыхаясь от гнева, прохрипел он. – Ва! Не отпускай их, имам! Сколько добрых людей погубили эти шакалы! Сколько аулов сожгли... Только у меня трех братьев и двух сыновей погубили! Айя! Да распорется их живот! Да иссякнет их семя! Любой из нас, если б увидел их где, – зарезал! Дозволь, высокочтимый, я сам в них пулю пущу! Не посмотрю, что я служитель культа и по сану не имею права прикасаться к оружию. Волла-ги! Прикажи побить камнями русских свиней. Это голос народа, имам!

Бешенство окрасило дрожащие белки старика в красный цвет. Едва сдерживаясь, он продолжал трясти посох жилистой и сухой рукой, похожей на орлиную лапу. Его черно-вишневые, навывкате, глаза зыркали то на русских, то на имама, восседавшего на белом коне.

– Да продлится жизнь твоя, Лечи-Хаджи. Ты прав, уважаемый. Дело муфтия – забота о душах правоверных. Твое оружие – слово. Но у нас газават! – Шамиль, воодушевляя своим голосом старика и остальных, поднял над папачой сверкающий голубым огнем сабельный кли-

---

²⁹ Красавчик, молодец (*фр.*).

³⁰ Правоверный, совершивший хадж – паломничество в Мекку, к храму Кааба, для совершения жертвоприношения в праздник Курбан-байрам.

нок. – Голос народа, как голос Неба, – священен! А потому праведный гнев гор покарает неверных... Но дело это я хочу предоставить нашему союзнику – Диамбегу-Борги!

Охрипшая от криков толпа вновь затаила дыхание, а Шамиль совершенно без эмоций, будто речь шла о продаже бараньих шкур, обратился к поляку:

– Радуйся, полковник. Тебе оказана моим народом высокая честь. Помнишь, я говорил... у тебя будет еще возможность доказать нам свою верность. Это время пришло, Диамбег-Борги. – Шамиль прищурил по-рысьи глаза, устремив взгляд на графа. – Ты удивлялся моему дорогому подарку – сабле? Пустая рука – коротка. Возьми клинок и отруби презренным собакам головы. Свяжи себя с нами кровью... и мы назовем тебя братом. Это будет наш совместный ответ их сардару. Ну, что медлишь, полковник? Или ты уже не хочешь доказать нам делом своей верности?

– Но... но они парламентареры, имам. Они прибыли в Дарго с белым флагом... – Извинский наконец совладал с оторопью и тихо сказал, искоса глядя на стоявших в отдалении офицеров: – Это незаконно, имам. Послы неприкосновенны. Это противоречит...

– Оставишь в живых только одного. Как принято у нас, для вести, – отрезал Шамиль. В глухом голосе владыки сквозило неприкрытое презрение. – Пусть этот пес расскажет о воле народа. В другой раз перережем всех до единого! И запомни, союзник: невысказанному слову ты хозяин, высказал – ты его раб. Я тебя за язык не тянул, Диамбег-Борги. Действуй, или ты разделишь участь этих шакалов.

* * *

– Черт в костер, с этой сворой все ясно, господа. – Ротмистр Лунев разом успокоился, как это бывает, когда бой неизбежен, настало время отбросить эмоции в сторону и попытаться подороже продать свою жизнь. Глядя поверх голов разъяренной, вооруженной до зубов толпы, он тихо, но твердо сказал: – Предлагаю, господа, пробиваться к нашим. Не ко двору мы пришли... Но будь я проклят, ежели позволю их Аллаху выбрать час моей смерти.

– Но... это безумие, ротмистр... Нас... нас всех перестреляют, как перепелов!.. – прерывистым шепотом ответил юнкер Белов, по бледным вискам которого сбегали прозрачные стёжки пота. Ноги и руки его онемели от страха. От всего себя он чувствовал теперь только грудь, неподвижную, затянутую в уланский мундир, ставшую, как ему казалось, необычайно широкой, мимо которой не пролетит ни одна пуля. – Может быть...

– Не может! – не дал ему более раскрыть рта Лунев. – На счет «три», Дмитрий Макарович, прыгаем в седла, стреляем нукеров, и прочь из этого ада. Бог весть хоть один из нас, да прорвется к своим. Я надеюсь на вас, майор. Юнкер Белов, не раскисать!

...Офицеры по сигналу ротмистра бросились к лошадям, но тут же напоролась на кинжалы и шашки мюридов. Лунев отбил саблей занесенный над его головой клинок, бросился к своему буланому маштаку, но несколько пар по-обезьяньи цепких рук схватили его за плечи, рванули ворот, сорвав с груди золотой крестик, и швырнули на землю, к обезоруженным товарищам, а затем – зубодробительный удар прикладом ружья ослепил разум и Лунев задохнулся от боли.

Взяв парламентареров в плотный оцеп, горцы нещадно пинали их, ломали несчастным ребра, носы и скулы, отбивали внутренности, глумясь над стонами и мычаньем гяуров.

Внезапно все прекратилось. Гневно поводя плечами и сверкая глазами, разгоряченные мюриды под окрики старшин с неохотой отошли от своих жертв.

– ...Господи, не может быть... Граф, вы?!

Окровавленный Лужин, левая скула которого была стесана до кости, безгубым черным ртом силился что-то крикнуть летевшему на него поляку. Извинский встретился с офицером взглядом. На него мертво взирали залитые болью, отчаяньем и неверием глаза.

Ощеренная пасть коня поравнялась с майором. Полумесяц зеркальной стали взлетел к небу...

– Своло-очь! Будь проклят, га-а...

Срубленная голова Лужина, как грязный кочан капусты, глухо стукнулась о землю. Жеребец, выгибая крутой дугой шею, перепрыгнул через обезглавленное тело, стаптывая поднимавшегося ротмистра. Жорж не слышал крика, но догадался по лицу Лунева, прижатому к земле с перекошенным ртом и накаленными мукой глазами, что крикнул тот нечеловечески дико. Не слышал Рокамболь и ликующих завываний толпы.

На одном аршине развернув хрипящего коня, он вторично наскочил на поднявшегося на одно колено ротмистра, занес саблю и со страшной силой кинул косой взмах. Жеребец, дрожа бархатом раздутых ноздрей, полетел прочь, а на кровавом току, разбросав руки и зарывшись лицом в бурю пыль, остался лежать разваленный надвое – от ключицы до пояса – Лунев.

– Ради Христа... ради Христа, не убивайте!.. Ради Христа! Ради всего святого!.. – Юнкер с прелестными девичьими глазами, в алом офицерском башлыке, бросился на колени перед копытами осатаневшего жеребца. – Меня не надо!.. Меня не надо... Ради Христа!.. – Пепельные губы дергались в горячей мольбе, руки хватали землю... В безумных глазах Петра отражались оскаленные бородатые лица, плывущие белые облака, высокое солнце и снова бараны папахи, дремучие бороды, клювастые носы... чья-то спина в драной черкеске и быстрые, ловкие пальцы, перепоясывающие через чужое плечо его славную шашку, оглаживающие серебряные ножны отобранного у него кинжала и рукоять французского пистолета.

...Внезапно народ отхлынул, и перед судьями – избранниками Дарго Петр Белов предстал в одиночестве.

– Балагадары Нэба и вэлыкадушный Шамиль. Имам миласердно дарует твой жизн, презрэнный сабака-гяур. Иды к свой жэнэрал-сардар и далажы ему, как вас тут встрэтил люди общин. Волла-ги! Эта атвэт Шамиля. Билла-ги! Эта атвэт Дарго. Талла-ги! Скажи гяур свой, шакал-сардар, что если он придет в Дарго, то в крави свой салдат-аскер по калено брадыт будэт. Здэс вас ждет ад! Ради Всэвышнего, саздавшего всэх, – пуст уходыт, аткуда пришел, ради мать, радившей нас всэх, пуст нэ аткрывает дальше вражды мэжду Бэлый цар и наш народ. Волла-ги! Тэпер убирайса, гяур. Забирай сваих... Забирай свой лошад, пака наши люди нэ пэрэдумали.

После этой речи старейшин весь Дарго взорвался возгласами и пальбой. В оглушительный, хлещущий по ушам кнут скрутились раскатистые боевые кличи воинов.

...На площадях и улицах зарокотали бубны и барабаны, напористо вклинилась гармонь, зачавив боевую лезгинку. Десятки горячих джигитов, сверкая булатом, принялись носками чувяков лихо чертить по земле дуги и прямые. Их крылатые руки то по-орлиному распластывались над содрогающейся твердью, то прижимались к плечам...

Перед их горящими взорами мельками леса, скалистые хребты гор, перевалы и снежные пики родины; плоские крыши саклей, усеянные ребягней, обожженные солнцем и порохом лица их братьев и сестер, кунаков и родственников, гостей и соседей из дальних селений, которых в Дарго согнала война. Здесь танцевали и пели в воинственных костюмах предков: и чеченцы, и ингуши, и черкесы, и кабардинцы, и балкары, и аварцы, лакцы и ботлихцы, даргинцы и каратинцы – здесь неистовствовал в танце весь Северный Кавказ, его защитники – верные сыновья, которые по очереди входили в огромный круг. Тут за каждым котлом убоины говорили на тридцати языках. Здесь один мешок муки делили на тридцать народностей. Но это пустой разговор. У каждого народа есть и воины, и пастухи, и кузнецы, и ювелиры, и садоводы. У всех есть и герои, и певцы, и мастера.

...Вот как об этом сказал мудрый Абуталиб³¹: «Здесь мы собрались у костра, ждем, когда будет готово мясо. Иные из нас родились и выросли в горах, другие – на равнинах. Одни – в холодных местах, другие – в теплых местах, одни на берегу реки, другие – на берегу моря. Одни – там, где есть поле, но нет быка, другие – там, где есть бык, но нет поля. Одни родились

³¹ А б у т а л и б – известный дагестанский поэт, близкий друг отца Расула Гамзатова.

в местах, где есть огонь, но нет воды, другие – где есть вода, но нет огня. Там – мясо, тут хлеб, а там еще – фрукты, овощи. Там, где хранится сыр, развелись и крысы, там, где пасутся бараны, развелись волки. Кроме того – история, войны, география, разные соседи, природа.

Слово «природа» у нас имеет два значения. В одном случае – земля, трава, деревья, горы, небо, в другом – характер человека. Родная природа в различных местах способствовала появлению разных законов и обычаев.

В разных местах по-разному носят папаху, по-разному кроют одежду и обувь, по-разному строят дома. Над колыбелями поют разные песни. Они играют на пандуре, другие на таре. Струны для одних инструментов делают из козьих кишок, для других – из железа и серебра»» // Гамзатов Р. Мой Дагестан.>. Много мелодий у Кавказа, много ритмов и слов, но все они составляют одну песню. «Есть границы между языками, но нет границ между сердцами, – некогда сказал Шамиль. – И подвиги разных людей в конце концов сливаются в один великий подвиг!»

Тогда же у имама кто-то спросил:

– Зачем Кавказу так много народностей?

– Чтобы одна могла выручить и поддержать другую, если та попадет в беду или запоеет песню.

– И что же? Выходили все выручать одного?

– Всегда. Хвала Аллаху, ни один народ не остался в стороне.

– И слаженно пелась песня?

– Слаженно. Ведь родина у нас одна – Кавказ.

...И правда, в тот роковой день не было среди горцев разногласий, не было и той скрытой кровной вражды в глазах тех, кто спустился на защиту Дарго из дальних ущелий. Общая беда и общая вера сплотили перед лицом смертельной опасности всех горцев, всех героев – войны и мира.

Глава 7

...Напряжение в войсках нарастало с каждой минутой. Высокое начальство Генерального штаба торопливо разошлось по своим полкам, помрачневший лицом главнокомандующий покинул их общество за обеденным столом.

...Оставшись в своем шатре один, граф Воронцов снова посмотрел на часы. До начала решительных действий оставалось не более четверти часа, а посланных генералом Пассеком в ставку Шамиля парламентаров до сих пор не было. Михаил Семенович нервничал. «Неизвестность! *Qu'elle soit maudite!*³² Эта жизнь похожа на черта. Ожидание – на пытку». Граф, заложив руки за спину, методично мерил шагами палатку. Скверное предчувствие, ощущение чего-то худого появилось у него еще за столом, когда звучали здравицы в его честь и тосты за победу русского оружия.

С обеих сторон стола ему приветливо улыбались, заглядывали в глаза, прочили блестящую победу и скорый финал экспедиции. Он улыбался в ответ, благодарил, что-то кому-то замечал по ходу беседы, а сам исподволь посматривал на дорогу, которая шла на Дарго. Она была уныло пуста. И если изредка на ней показывались всадники, то казаки отряда и горцы из аула с одинаковым напряженным любопытством всматривались в верховых, стараясь угадать: «свои» или «чужие». Обычно это были лазутчики-вайнахи, открыто и безбоязненно возвращавшиеся от русских позиций в свои пределы...

«И все же – победа или поражение?» – К последнему Михаил Семенович был не готов. Морща в раздумьях лоб, он подошел к бюро, на котором покоился трофейный Коран, завернутый в отрез аксамита – плотного узорного бархата темно-зеленого цвета. Этот ценный трофей егеря князя Барятинского подобрали в деле при Ацале³³ после того, как штыками выбили из завалов горцев. Кто-то из туземных князьков уверял Воронцова, что сия священная книга мусульман принадлежала самому Шамилю, и ее якобы видели в руках Повелителя гор. Кто-то говорил что-то еще... Но, как бы то ни было, богато украшенный золотом и самоцветами, с серебряными застежками Коран лежал теперь перед ним и каким-то мистическим образом притягивал графа к себе. Когда книга, обтянутая смуглой кожей с золотыми полумесяцами, оказалась в руках главнокомандующего, он бережно приоткрыл ее и полистал страницы. Загадочная, едва ли не сказочная красота арабской вязи с узорчатыми бирюзовыми буквицами на миг очаровала его своей неведомой силой. Михаилу Семеновичу даже показалось, что он чувствует тонкий пряный аромат не то гвоздики, не то корицы от ее древних желтоватых страниц.

Внезапно граф испытал чувствительный толчок, словно кто-то невидимым кулаком стукнул его в грудь, под сердце... Он не желал верить своим глазам, но... сквозь густую чадру арабской вязи на него смотрел непроницаемый лик имама Шамиля. Да, это было то самое каменное лицо, которое он узрел в Червленной, когда задержался у зеркала. Как и тогда – имам изучающе взирал на него – своего нового врага и соперника, с которым ему сегодня предстояло скрестить клинки... Смотрел и зловеще улыбался чернильной тьмой своих внимательных, серьезных глаз, будто говорил: «Добро пожаловать в ад, генерал».

– Прочь, дьявол! Будь проклято твое имя! – Воронцов с силой захлопнул страницы, бросил Коран на бюро, словно пальцы его обожгли языки пламени. Видение как будто исчезло, но граф физически продолжал испытывать пугающую, необъяснимую зависимость от этого жуткого человека. Воронцову казалось в этот момент, что его связывал с Шамилем прочный незримый жгут отношений, который все крепче и губительнее перетягивал его одряхлевшее сердце.

---

³² Будь она проклята! (*фр.*).

³³ Так называли гору, где происходило сражение.

... За подсвеченной солнцем парусиной мелькали темные силуэты егерей, драгун и казаков – хвостатые каски, папахи, штыки и пики; слышалось командное зыканье ротных и батальонных командиров... а его сиятельство никак не мог отдышаться, избавиться от витавшего перед ним тягостного наваждения. Воронцов по-прежнему видел эти немигающие глаза, в которых не было места состраданию и милосердию, в которых гнездились лишь хищное чувство удачи, погони, смертельного риска и непримиримой ненависти ко всему христианскому миру. Он вновь различал эту твердую складку губ, будто высеченную в граните резцом каменотеса, в уголках которых читалась знакомая насмешка и вызов ему – главнокомандующему русской армией на Кавказе.

И опять его будто кто-то толкнул, только теперь не в грудь, а в спину. Наместнику Кавказа послышался (как той, памятной ночью в станице) глухой лязг стальных челюстей адского механизма... Но если тогда граф сомневался, нынче отнюдь... Сей звук не принадлежал к разноголосью его войск. Он исходил из туманного чрева волчьих лесов и горных ущелий, где нескончаемой тьмою день ото дня уплотнялся числом заклтый враг.

Да, граф безошибочно узнал этот звук, являвшийся предвестником беды... Только теперь он не был далеким и глухим, он был отчетливо ясным, как грозный набат роковой судьбы.

«Святой Боже!.. Будь проклят сей звук! Ужели и вправду нас всех ждет Эшафот?.. – смятенно прошептали пересохшие губы. – Отче наш, предвари, прежде даже не поработимся врагом, хулящим Тя и претящим нам, Христе Боже наш: погуби Крестом Твоим борюция нас, да уразумеют, како может православных вера, молитвами Богородицы, Едине Человеколюбче».³⁴

Осенив себя крестом, Михаил Семенович решил сменить черный сюртук без эполет, с полупогончиками, на парадный мундир. «На людях и смерть красна». – Граф нервно усмехнулся своему рвению. Покуда управлялся с этим занятием (не желая прибегать к помощи порученца), он мысленно складывал кирпичи своей доктрины:

«Нет, достопочтенные господа министры!.. Довольно гнилого либерализма, дешевого пацифизма и пустой филантропии! От войны с этими полулюдьми-полуволками нас спасет только война, тотальное уничтожение их чертовых аулов и массовое переселение немирных племен в магометанскую Турцию, Персию или сразу на дно благословенного Каспия. К бесу лицемерие и лживые заигрывая в «друзей». Роль «младшего брата» азиатам так же претит, как России роль «падчерицы» на задворках Европы. Все это фикция, половинчатость, беспринципность и примиренчество! Попустительство и преступный самообман! Если мы не хотим потерять челюсть, нам следует вырвать с корнем этот больной зуб!»

Одетый по форме, граф Воронцов пристегнул к португее любезную наградную шпагу – с надписью «За взятие Варны», энергично прошелся туда-сюда. Поглядев на себя в зеркало, он привычным движением подвил виски и поникший кок, поправил крест, аксельбанты и золоченые, с царскими вензелями, парадные эполеты. Воображая перед собой Шамиля, он со сдержанным достоинством тихо сказал:

– Мне доложили, что ты поклялся на Коране вырезать из моей груди сердце. Что же, похвально. Рискни. Сегодня я узнаю, каков ты в настоящем деле. Тебя считают мудрым правителем в горах... Но я другого мнения. Ты не желаешь признать Государевой власти? Глупец, в тени ее могучих крыл ты мог бы славно жить и повелевать, как прежде, своими народами. Но ты упрям и горд, как твои горы... и даже больше!.. Ужели ты, безумец, и вправду веришь, что положишь на лопатки Великую Россию? Будешь гнать на аркане наших пленных солдат и генералов по своим аулам, а ваши вдовы и сироты будут кидать в них камни?.. Опомнись, безумец! Кто ты? Загнанный в угол вожак волчьей стаи? Или ты возомнил себя всепожирающим немейским львом? Так ведь и на него нашлись железные руки Геракла. Мне жаль тебя,

---

³⁴ Молитва во время бедствия и при нападении врагов. Тропарь, глас 4-й.

Шамиль. Ты действительно достойный противник, бесстрашный воин, прекрасный стратег и тактик, но ты фанатик-патриот проигранного дела. Клянусь своими сединами и этой шпагой, – граф Воронцов положил сухую морщинистую руку на усыпанный алмазами эфес и неожиданно крепко сжал его, – твои дни сочтены, имам. Тебя – убийцу и вора, деспота и тирана – приволокут ко мне на твоём же аркане... живого или мертвого. Как барана на блюде. И вот тогда, милостью Божией...

– Ваше сиятельство!..

Затертый барабанным боем и грохотом копыт кавалерии, голос флигель-адъютанта Сколкова прервал монолог Воронцова.

– Что? Что, черт возьми?! – взвинченный ответ командующего смутил гвардейца.

– Ваше сиятельство...

– Молчать! По какому праву вы позволяете себе вламываться ко мне как конь, адъютант! Тоже мне, Божий агнец! Вы что, привезли мне голову Шамиля?

– Помилуйте, ваше высокопревосходительство... но вы же сами приказали немедля сообщать...

– Ну-с, что там у вас, Иван Григорьевич? Вы, право, помоложе будете меня, голубчик, а тянете кота за хвост... – теплея голосом, приободрил взволнованного гвардейца граф.

– Наши вернулись. Из Дарго...

– Наконец-то! А что столь грустно? Их не уважили чаем? Ох, уж это хваленое кавказское гостеприимство...

Ернический тон графа истаял, как сахар в кипятке; колючий взгляд впился в бледное лицо гвардейца.

– Что-то серьезное, адъютант? Что с ними?!

– В живых остался только юнкер Белов. Майор Лужин и ротмистр Лунев... – доложил севшим голосом Сколков, – убиты, ваше...

– Прочь с дороги, болван!

Воронцов, скрежетнув зубами, оттолкнул в сторону остолбеневшего флигель-адъютанта и стремительно вышел из шатра.

* * *

...Был полдень. Бело-матовые громады гор резко читались на фоне пронзительной синевы. Воздух был резок, неподвижен и звучен. Многоверстная горбатая тень крадливо ложилась от скалистых хребтов на угрюмые леса и равнины.

У штабеля бревен, рядом с которым находились зачехленные рогожей орудия батареи, стояла растрескавшаяся арба, в которую был запряжен старый подслеповатый осел. Шелудивый и грязный, с забитым репьями хвостом, он тянулся к валявшемуся у копыт лоскуту промасленной оружейной ветоши, желая не то рассмотреть его, не то пожевать со скуки, но груженная арба мешала ходу, и осел, понуро мотнув головой, смежил глаза. Сизо-черная губа его отвисла, обнажив желто-рыжие пеньков съеденных зубов. Подрагивая зашибленной, с наплывом, ногой, он стал было задремывать под разноголосые звуки лагеря, когда бряцанье ружей часовых и тихий говор заставили его насторожиться.

– Здесь, рядом, Михаил Семенович. Прошу вас за мной... – Голос Сколкова звучал натянутой струной.

– Это они? – Граф Воронцов, в сопровождении пышных плюмажей и эполет взбудораженной свиты, остановился у покосившейся набок арбы.

– Так точно, ваш сиятельству! Как есть, только что из Даргов. – Пехотный капрал Литовского полка, с огромными бакенбардами и усами, с ружьем и ранцем, бойко отдал честь подошедшему начальству. – Извольте осмотреть, ваш сиятельству? – Близо дохнув в лицо графу служацким табаком, капрал кивком указал на арбу, верх которой был укрыт мешковиной. Уга-

дывующиеся страшные очертания бугрили тряпье, пропитанное бурями пятнами. Присмотрев немое согласие в глазах командующего, капрал сдернул крапчатый саван и отошел.

Господа содрогнулись, поджали губы. Кое-кого из приезжих столичных особ пробрал озноб, точно по их холеному белому горлу прошла булатная сталь. Многие из них, до сего дня – бодрые и веселые, ощущавшие себя под легким хмельком на таком ехōtikos пикнике-прогулке, увидев обезглавленные и оскопленные тела послов, внезапно испытали смертельную тоску, невыносимую слабость, от которой мозжили десны и подкашивались колени.

– Господи... с кем мы воюем?

– Дикари – они ужаснее хищного зверя!

– Да это же, господа... pardon, чистейшей воды trahison³⁵ по-кавказски... всем правовым нормам и регламентам цивилизованной войны.

– А вы знаете такую? – Воронцов мрачно усмехнулся на сентенцию доктора Андриевского, с которым по вечерам любил сыграть партию-другую в ломбер⁶ или старомодный вист. Нервически дергая впалой щекой, граф глухо обратился к Сколкову: – Вы говорили, юнкер оставлен в живых... Где он?

– Белов в лазарете, ваше сиятельство. Тронулся умом... Не смог пережить случившегося. Слишком молод и нежен, ваше сиятельство. Его не следовало посылать...

– Соблюдайте субординацию, адъютант. Вы доложите о сем, когда вас спросят, – устало и без должной назидательности одернул Сколкова граф. – Юнкер что-нибудь говорил?

– Так точно, ваше сиятельство. Сущий бред... бормотал в горячке о каком-то поляке, золотой сабле и низамах Шамиля.

«Н-да... а ведь юнкер так неподдельно радовался, так счастлив был этим утром, что ему выпала честь находиться в составе парламентарской группы...» – ощущая легкое головокружение и слабую ломоту в висках, подумал Воронцов. При виде поруганных тел русских офицеров, по черно-красным разрубинам которых с беспокойной хозяйской неутомимостью ползали зеленые мухи; при виде переломанного о колено в порыве ненависти древка флажштока, который тут же, как знак насмешки, валялся в кровавом тряпье, графу с чудовищной ясностью обнажилась вся правда существующего противостояния. Это был уже не предостерегающий хищный оскал... Кавказ показал свою свирепую волчью хватку.

Михаилу Семеновичу, страстному поборнику царской воли, вдруг до смешного стала понятна вся нелепость фантазий Военного министерства, весь наивный расчет Санкт-Петербурга на быстрый и победный исход кампании. В какой-то момент ему даже сделалось не по себе. Он вдруг почувствовал, что незыблемый постулат Государевой воли, заложенный в него... делает сбои. Среди знакомых, как «Отче наш...», инструкций и артикулов к действию неожиданно появился какой-то новый, никем не учтенный пункт, о который теперь предательски спотыкалась огромная военная машина Империи. Пункт сей – на вид неприметный и как будто малозначительный, начинал диктовать графу свои непримиримые принципы и раскручивать ход событий помимо его наместнической воли.

Фавориту Его Императорского Величества графу Воронцову не хотелось признавать этот досадный факт, тем паче мириться с ним. Однако могущество Шамиля оказалось столь очевидным, что не считаться с ним было невозможно. Силу имама могла сокрушить еще только бóльшая сила; лишь уничтожив всепроникающим русским штыком мюридизм, как ядовитую тысячеголовую гидру, Россия могла надеяться навести в мятежном краю своей железной рукой закон и порядок.

«Что ж, ты сделал свой выбор, имам. – Граф, бросая волнительный взор на ожидающие его приказа войска, подвел черту. – Сделал его и я. Тебя, Шамиль, отловят, как лютого зверя, в твоих же горах... Посадят на цепь в железной клетке, как пугало, отправят в Россию. Ваш

---

³⁵ Предательство, измена (*фр.*).

газават и слепой фанатизм – это дорога в рай. Пусть так. Зато наш приход в Ичкерию – это путь к победе!»

– Похороните героев со всеми военными почестями. Они, мученики, как никто другой из нас, достойны сего. Уверен, их храбрые души услышат прощальный салют в свою честь, который послужит нашему наступлению.

Глава 8

(Из дневника А. Лебедева)

«6 июля. Ау! Вот и истекли отпущенные нам на отдых четыре недолгих часика. Егеря собраны, серьезны и молчаливы. Надев по такому случаю чистые белые рубахи-«смертянки», последние полчаса мы провели в молитвах. Мне врезалось в память, как барон Бенкендорф первым встал и снял форменную фуражку. Мы последовали его примеру. Среди глубокой торжественной тишины раздался по-соборному дружный хор мужественных голосов:

«Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Чуть позже, после того, как тела наших боевых товарищей были преданы земле и отгремел зауспокойный салют, шпага главнокомандующего подала нам сигнал к долгожданной атаке вековечного, не знавшего русского топора леса.

Курицам – детям Чечни, как это и подобало, выпала честь открытия дела. В стройном боевом порядке прошли мы перед главнокомандующим с любимой песней егерей: «Шамиль вдруг вздумал бунтоваться», причем все лихо подхватили хором: «Куринский полк, ур-ра-а!»

...Беглым шагом, под барабан и флейту, спустились мы затем с горы. Когда очутились в низине, полковник Меллер-Закомельский (командир нашего Куринского полка) бросил егерям пылкое:

– Братцы! Нынче нам предстоит много дела. Кроме частых завалов, устроенных гололобыми по дороге в Дарго, мы обязаны пробиться через неприятеля, несравненно большего числом. Нас немного, но зато мы куринцы! На квартирах за невычищенный штык вас наказывали... Сегодня же чем больше штыков вы обагрите кровью врага, тем радостнее будет мне. Помните: храбрец умирает один раз, трус – тысячу! Умрем, но победим!

Громкое, радостное «ура!» было ответом на слова смелого и любимого начальника.

– С Богом и молитвой вперед, ребята! На нас смотрят командующий и Россия!

...Незамедлительно бросились мы к дремучему лесу; в тридцати сажнях от него остановились, слаженно построились в боевой порядок и с песнями решительно двинулись вперед, изумляя неприятеля, смотревшего из-за своих укрытий на нас, столь весело шедших на явную смерть.

...Вот впереди показались пни вырубленных горцами огромных чинар и дубов, которые укрывал, словно попоной, мелкий ползучий орешник, перемешанный с кизилом, боярышником и кислицей, столь любимой фазанами. Мы много видели этой красивой, ярко окрашенной птицы, с быстротою молнии перелетавшей с одного куста на другой и озарявшей нас всполохами своего радужного оперения.

...Не успели наши с есаулом Румянцевым казаки проехать и двух сотен аршин, как в душах гребенцев засквозил холодок смятения.

– Ваш бродие, глянь-ка! Вона, у тех ветлеватых карагачей! А вон ешо... и ешо! Мать честная... Обороны нас, Пречистая Богородица, от пули басурманской и ножа!..

Дзахо, тенью повсюду следовавший за мной, поднял руку, выезжая вперед; я остановил Месяца; Дзахо молча указал стволом крымчанки на корявые, обросшие изумрудным лишайником ветви.

Кровь и смерть на Кавказе не в диковинку жителям границы – чего-чего, а этого добра здесь всегда было в избытке. Но, признаюсь... многие из нас (и я в том числе) испытали на какое-то время почти мистическую оторопь и суеверный страх перед увиденным. «Тут и там мы натыкались взглядом на голые, изуродованные, обезображенные трупы. Поразительна была

сия картина при том гробовом безмолвии, которое сохранялось врагом. Его как будто и не было вовсе в чаще, и словно невидимая колдовская сила кружилась и глумилась в воздухе над убитыми». ³⁶

– Нохчи... – твердо ответил на мой немой вопрос абрек. – Там, впэреди... Мой чует их, – хищно раздувая ноздри и сверкая глазами, оскалился Дзахо и, с надменным превосходством глядя на казаков, выдал: – Нохча воин. Нохча рэзат, убиват будэт гяур.

Казаки недобро взглянули на аргунца. Братья Арнаутовы схватились было за шашки, но не успел я на корню пресечь назревавшую свару, как сзади раздался лошадиный топот. Подскакали двое – Моздок и хорунжий Никитин, звякая шашками, спрыгнули с лошадей, без проволочек подошли к моей сотне.

– Распоряжение «спешиться»! – Есаул приказно махнул плетью и, обращаясь ко всем разом, «спустил собак»: – Нуть, го...го...спода-казаки, шо ж, мать вашу, «шашки» свои в портках повесили? Не дрейфь, станишники. П...п...покажем обрезанным коку с сокой! Ешто поглядим, чей возьмёт! Эх, сучьи потрохи... Видал, Аркадий Палыч, шо нехристи понаделали? Помилуй Бог, сколь невинных душ загубили! Трупов, как грибов апосля дождя, по всему лесу разбросано. Ай, да тебе ли, кунак, сыпать соль на рану, сколь наших братьев сарацин в рабство угнал. Вот оне, туточки все, родные... смертушку лютую приняли. А ты шо, морда татарская, пялишься?

Румянцев смерил Бехоева ненавидящим взглядом и зло подмигнул абреку:

– Зикруеть нонче твой брат? Небось, вторую пару чувяков до дыр стер... ась?! То в... в...верно, неча жалеть, один черть новых не носить у Аллаха... Цыть, коршунюга! Я-ть тебе не «поддай-принеси»... Гоноровый, гляжу, стал, как ближее к своим доторхался. Скорее совсем, небось, оперишься, стервец, на крыло встанешь... и клюнешь нас в темя?

– Зря ты так, есаул! – Чувствуя неладное, я встал между ними, остановив донца упрекающим взглядом; сам при этом испытывая захлестнувшее меня сложное, противоречивое чувство, ударившее по натянутым нервам.

– Время покажет. – Моздок – весь раскаленный сгусток гнева – бросил на меня полный затаенной обиды взгляд и прохрипел в сторону горца: – Благодарю Бога, шо у тебя заступничек есть... Моя бы власть – я-ть тебя... у-у-у, волчара!

...Положение исправила подоспевшая пехота. Ее штывки и мундиры густо замелькали среди деревьев.

Перестраивая спешившихся гребенцев, я с горечью отметил: с того времени, как наши войска вышли к лесистым горам Ичкерии, Пятница мой изменился. Стрдание и мука отныне дневали в его глазах... «Кто знает?.. Возможно, он и вправду мечтал сложить свою голову в битве за Дарго. Погибнуть с песней Смерти на устах, презирая нас, русских, пришедших в его прекрасную страну с оружием; презирая своих кровников-палачей, презирая саму смерть, улыбаясь солнцу и парящим под облаками орлам в последний раз, стремясь быстрее уйти в страну теней, чтобы навеки соединиться с любимой Бици. Кто знает?..»

...Я был откровенно рад разумному и своевременному распоряжению барона Бенкендорфа. Идти в атаку, под пули врага в конном строю, не зная леса, было равносильно убийству. При том, что этот лес был чрезвычайно густ и простирался, как сообщили лазутчики, на шесть-семь верст (почти до самого Дарго), а его вековых чинар и дубов еще ни разу не касался наш топор.

Продвигаясь вперед сквозь дебри, мы укрепляли себя мыслью, что до нас в этих сумрачных тущобах уже побывали молодцы Ермолова³⁷. «Не ты первый, не ты последний...» – слабое утешение идущим на смерть, но все же оно греет душу...

³⁶ Ольшевский М. Я. Записки. 1844 и другие годы.

³⁷ Речь идет о так называемом ермоловском – первом периоде (1816–1830 гг.) Кавказской войны. «Под Ханкале разумелось

Могильное затишье на поверку обратилось в страшную бурю, когда мы вышли к трем опрокинутым армейским фургонам с убитыми лошадьми и трупами людей. Раздался оглушительный залп из ружей и вслед за тем душераздирающий, истошный гик!

Хотя сей ожидаемый, но все равно внезапный залп выкосил из наших рядов более тридцати человек убитыми и ранеными, это нимало не остановило куринцев. Привычно заработал в их руках острый штык, и дальнейший путь был проложен уже по трупам чеченцев.

Помню, как каблук моего сапога оскользнулся на залитой кровью смуглой волосатой руке. Нохча был еще жив и, мерцая красным, налитым болью и яростью оком, рычал мне в спину проклятья. Его навеки успокоил грохотавший следом санитарный фургон. Хрястко стукнув о кости, обитые железом колеса подпрыгнули... вдавив в землю прерванный крик.

... Нам следовало спешить к следующему завалу. Каждый сознавал: промедление могло дать новое торжество неприятелю, в несколько раз превосходящему нас числом и грозящему своими обнаженными пашками.

– Впереди завал! – доложила разведка, когда мы вышли к освещенной солнцем поляне.

Я приказал казакам укрыться за стволами чинар в ожидании полковника Бенкендорфа с его егерями. Несколько десятков выстрелов, произведенных невидимым противником, лишь взбудрили казачьи сердца. Это были первые пули, в столь непосредственной близости просвистевшие над нашими головами.

Слева от нас послышалась отдаленная канонада Чеченского отряда генерала Лидерса, когда на другой стороне поляны мы увидели горцев, исключительно конных, разбегавших вне досягаемости наших пуль и криками и оскорблениями пытавшихся нам навязать перестрелку. Их летучие отряды шныряли туда-сюда, оглашая скалы свирепыми кличками; смело джигитуют у наших рубежей, они то и дело открывали по нам огонь. Но мои и Румянцева Александра храбрецы в безмолвии дожидались приказа. Нам нельзя было тратить свои драгоценные заряды на одиночных всадников.

– Ишь ты... за... за... разы... Т... т... ты только глянь, кунак, на этих чертогонов луженых. «Бубённые» все – при заслугах³⁸, мать-то их... Лучших живопыров, видать, бросил на нас Шмель. То-то, гордись, ваше скобродие, – хмыкнул мне в ухо подползший Моздок и, набычившись, словно перед ударом, брякнул с пафосной шутливостью: – Нет, маманя, казака «пужалками» не обкрутишь.

– А ведь нагло ведут себя, – заметил я.

ущелье, находящееся между двумя высокими, поросшими строевым лесом горами. Левая из этих гор (по направлению из Грозной) составляла отвесный берег над Аргуном между аулами Бердыкель и Большой Чечень; правая же своими западными отлогостями доходила до реки Гойты, впадающей в Сунжу между Грозной и Алдами. Через это ущелье пролежала дорога в глубь Чечни, известная нам еще с 1806 года, когда командующий войсками Кавказской линии, С. А. Булгаков, встретился с главною массою чеченского населения и после значительной потери принужден был возвратиться обратно. В этом же месте в 1818 году генерал Ермолов имел кровавый бой с огромным сборищем чеченцев, кои перекопали дно ущелья рвом и засели за укрепленным высоким валом. Но Алексей Петрович, овладев этим окопом и расположившись со своей ставкой на кургане, называемом и по настоящее время Ермоловским, не двинулся до тех пор вперед, пока не вырубил дремучий лес, сделав тем самым свободный проход в Чечню на будущее время» // Ольшевский М. Я. Записки. 1844 и другие годы.

³⁸ «В Имамате на груди отличившихся горцев можно было часто увидеть учрежденные Шамилем ордена и другие знаки отличия. Первые наградные знаки появились в Чечне. В одном из донесений генерала П. Х. Граббе говорилось: «Давно уже до меня доходили слухи, что Шамиль для поощрения наивов и прочих подчиненных, отличившихся в скопищах своих, раздает им знаки отличия вроде наших орденов и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами. Высшей наградой среди мюридов считается военный знак отличия». Ордена и медали изготовлялись дагестанскими ювелирами из серебра с позолотой, чернью, зернистой сканью. Полузвезды для генералов, треугольные медали для трехсотенных командиров, круглые для сотенных, особые награды, эполеты, сабли с темляками (кистями на рукоятке) за храбрость и др. знаки украшались надписями на арабском языке. Надписи эти тоже были весьма разнообразны, порой они содержали и имена награжденных. «Это – герой, искусный в войне и нападающий в битве как лев», – можно было прочесть на медали храбреца. Наиб Ахвердилав имел серебряный орден с надписью «Нет человека храбрее его. Нет сабли острее, чем его сабля», а также темляк за свою неустрашимость. Подобную награду имели и чеченский наиб Джават-Хан, и многие другие прославленные горцы. Имам Шамиль, имевший титул «Повелитель правоверных», тем не менее сам орденов не носил» // Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

– Наглость ещо не смелость, кунак, – с бравой ухмылкой возразил есаул. – Раз оруть без памяти, значить, бо...бо...боятся. Заводють оне себя... у них уж так повелось!

– Ну, брат, завалы штурмовать – тоже не папильотки³⁹ крутить. Та же воля и храбрость нужны.

– Храбрость – да... – согласился Моздок, прислушиваясь, как чеченские пули тянули над нами игольчатый высвист. – Но орать зачем? П...п...пуп развяжется.

Я усмехнулся шутке Санька, а сам вспомнил откровение бывалого курина в ответ на мой вопрос: страшно ли ему в атаки ходить?

«Как не боязно, ваш бродие?.. Страх у ладного солдату завсегда должен быть. Это дурак только радостно ловит ртом и пули, и мух. Страх – он как ангел-хранитель: где надо подсказку шепнет, где надо от гибели схоронит. Что ж до атаки, тут вот чо, ваш бродие... Покуда лежишь, как телок в закуте, – ляжки от холода сводит... будь-будь... Но как услышал приказу, поднялся из-за камней – всё! Зверем становишься: по хребтине мороз, волос дыбом, и в штыки на басурманскую гаду!»

...Ответный огонь открыли без команды. У кого-то из есауловых казаков не выдюжили нервы. Но едва хлестнул первый выстрел, Моздок встрепенулся, как ястреб, и, матерясь на чем свет стоит, гаркнул, привстав на колено:

– Кон-чай пальбу! Эт-то шо за конь б...бздиловатой породы в моем табуню?! Хомутов?.. Сёмкин! Я-ть тебе, урван нерадивый! Гляди, тетеря, полетишь у меня дальше, чем видишь!

Румянцев для убедительности погрозил костистым кулаком молодому гребенцу и, возвращаясь на место, сплюнул:

– Оженить бы тебя плеткой разок, Сёмкин... шоб знал, как службу казацку блюсти.

...Не успел наш брат казак перевести дух за деревьями, как от прискакавшего урядника-осетина был получен приказ барона: «Срочно подтянуть казаков к его батальону!»

Когда мы добежали до курицев, Константин Константинович уже развернул роты вправо от основной дороги и напрямик повел нас вперед для занятия опушки леса, коим следовало овладеть. Неприятельская кавалерия, точно рой злобных ос, закружилась вокруг нас, поливая свинцом из винтовок, и таким образом «проводжала» нас до завала, наводненного пешими толпами магометян.

У нас зарябило в глазах... Сотни ружейных стволов, ярко освещенных полуденными лучами знойного солнца, высывались из-за канав и стволов поваленных деревьев, которыми в несколько рядов был перекрыт спуск в каменную балку. Косматые ряды папах пестрели и в боковых завалах, со знанием дела устроенных на дне ущелья. И решительно за каждым уступом, кустом, на каждом дереве скрывались и сидели в разлапистых ветвях-гнездах по несколько стрелков.

Да, так была укреплена и занята неприятелем Разбойная балка, когда к ней подошел полковник Бенкендорф со своим батальоном, встреченный убийственным залпом из ружей.

– Аллах акбар!

– Ля илляха иль алла!

– Аллах акба-ар!

На какой-то миг мы были оглушены и парализованы огненным смерчем. Первые две шеренги егерей будто споткнулись о сизые клубы дыма, из которых вырвались сотни слепящих кинжалов пламени. Рядом со мной замертво рухнули два казака, на которых с секундным опозданием упало безмолвное тело ротного барабанщика с оторванной рукой и продырявленным во многих местах барабаном. Жуткие стоны и крики раненых огласили наши крепко поредевшие ряды.

---

³⁹ Бигуди из бумаги или ткани.

Ответом на это был батальонный огонь одолевшей первичный ступор пехоты и выверенные картечные выстрелы четырех орудий под началом Леонида Шардина (произведенного на прошлой неделе в унтер-офицеры артиллерии, с правом командовать расчетом взамен убитого поручика Резакова).

– Пер-рвое орудие, огонь! Заряжай!

– Второе орудие, огонь! Круши их, падаль, в закон-мать!

– Третье орудие, огонь! Приходи, кума, любоваться!

Сорванный голос Шардина перешибала яростная стукотуха выстрелов, но Черноногий, не обращая на то внимания, продолжал как заведенный отдавать команды, подбегая к каждому орудью, ревностно следя за действиями артиллерийской прислуги.

– Молодцом, Шардин! Хвалю! – Барон Бенкендорф, в простреленной фуражке, окоротил у лафета орудия взопревшего жеребца. – Как Бог свят, – прокричал он, – заслужил Георгия! Давай, давай, родной, угости еще азиатов!

– Погодь, погодь... не мешай, ваш превосходительство! Рад стараться!

Сосредоточенное и серьезное лицо Леонида было чугунно-черным от пороховой гари, будто к его скулам приложили аспидную маску с прорезями, где настороженно-чутко мерцали яркие, точно фарфоровые белки глаз.

– Зуев, растудить тебя, косорукого! Не слепой, чай?! Маненько влеву возьми! Так... так, и чутко ниже... Хорош! В самую мотню им жажнем. Огонь!

Ядро с гудящим шелестом ушло на rendez-vous⁴⁰ с дымящимся завалом. Огромным раскаленным зубилом вгрызлось в поваленные чинары и груды камней. Гулкий оглушающий взрыв разорвал изнутри вековую лесину, ударил космами искр и пылающего щепья, заволакивая балку едкой сизо-зеленой гарью. В малиновом зареве, высветившем жерло каньона с темными стенами скал, забегали люди, похожие на муравьев, в неприступный термитник которых сунули горящую жердь. Ошеломленные горцы стреляли из ружей и пистолетов, сотрясая воздух лишенной смысла, слепой пальбой.

– Ура-а! – Наши штыки и сабли засверкали в дыму и огне развалин. Сумрак балки держался предсмертными судорогами вспышек ружейного огня. Отовсюду несло порохом, паленым мясом и горелой костью.

Нарастающее грозное «ура-а!» сотрясло тысячелетние стены ущелья. Каблуки куринцев загрохотали по обгорелым стволам дубов и чинар, молнии штыков отразились в расширенных от ужаса глазах защитников...

Пользуясь сим замешательством, полковник Бенкендорф двинул вперед две роты. После кровавой рукопашной схватки неприятель был выбит из задних канав и окопов и, поражаемый картечью, отступил к прочим своим скопищам, двигавшимся по южной вершине ущелья. Это были тавлинцы⁴¹, ведомые на бой известным в горах своим бесстрашием Оздемиром.⁴²

...В целом для отряда, брошенного на завалы, это была по сути лишь прелюдия трудностей сего дня, но для нашего батальона – окончание его участия в деле. Обескровленные и дьявольски уставшие, мы на остаток дня сделались только зрителями. «Человек предполагает, а Господь располагает» – старая истина. Увы, так часто бывает: реальность, в противу первоначальным замыслам, диктует свои железные поправки. Так произошло и в этот раз: едва мы заняли участок, с коего начинался разбег штурмовых колонн, как атака возобновилась.

...И все же, как ни бросай карты, а это была наша первая ласточка удачи в Даргинском сражении. Враг дрогнул и отступил. Мы были счастливы, чрезмерно возбуждены и посему не могли тогда осознать всю горечь потерь нашего 1-го батальона Куринского егерского полка».

---

⁴⁰ Свидание, встреча (*фр.*).

⁴¹ В русской армии того времени – общее название горцев.

⁴² Оздемир – один из военачальников Шамиля; предводитель горцев.

Глава 9

Во главе новых штурмовых сил по взятии неприятельских завалов шел 1-й батальон Литовского егерского полка. Утратив свое боевое знамя в польской кампании 1830-го года, батальон в наказание в полном составе был переведен Государем Императором Николаем I на Кавказ, где литовцы должны были реабилитировать свою подмоченную репутацию; за ними следовали две роты 3-го батальона куринцев, которым вменялось в обязанность поддерживать «литовок» морально и внушать им необходимое для восстановления чести мужество.

Близко за литовцами следовали саперы, за ними грузино-осетинская дружина и сводный кавалерийский отряд Главной квартиры, состоявший по преимуществу из молодежи, которая в своей неистощимой жажде славы с нетерпением ждала своего часа воспользоваться выпавшим жребием.

Был в числе идущих на штурм и бывший адъютант главнокомандующего князь Дондуков-Корсаков. Отношения у него с графом Воронцовым сложились далеко не близкие: и в силу возраста, и в силу темперамента, да и просто в силу разности натур.

Молодого, пылкого князя крайне тяготила штабная *ambiance*⁴³ и присущие ей рафинированные отношения. Александр с самого начала похода решил просить графа прикомандировать его на все время экспедиции во фронт, к одному из батальонов, назначенных в авангард.

«Вы жаждете записаться в смертники, князь? Вы хорошо подумали, Александр Михайлович? А если вас, голубчик, убьют? Как сие горе переживет ваша матушка?..» – Его сиятельство был искренне удивлен. Однако после того, как войска с боями прошли Андию, Воронцов уважил повторную просьбу своего адъютанта, и полковник Дондуков-Корсаков был откомандирован к 1-му батальону Литовского егерского полка (5-го корпуса). Батальон этот (как известно) оплошал в польскую кампанию, и графу Воронцову было предписано Государем при первой возможности дать ему случай отличиться. Батальон вследствие этого и был назначен передовым в авангарде при движении в Дарго.

Посему Александр пребывал в наилучшем состоянии духа; был возбужден до крайности мыслью о предстоящей – лоб в лоб – схватке с горцами, о возможности проявить себя.

...И сейчас, с неумолимостью рока приближаясь к новым завалам грозного противника, сердце его ликовало и воинственно рвалось вон из груди. В обостренной памяти то и дело возникали бенгальскими вспышками последние часы, проведенные в кругу боевых товарищей.

Накануне сражения в его палатке по обыкновению прозвенел вечер за дружеской беседой, с песнями и чихирем. «Эх, держись, басурман!» Во всем отряде гремела бравурная музыка, слышались песни, батальон радовался предстоящему делу.

Не мог Александр забыть и того, как Мельников, его университетский приятель – светлый тенор и знаток студенческих песен – вдруг отложил гитару, задумался и неожиданно рассказал друзьям о страданиях и смерти юнкера Куринского полка князя Голицына.

– В прошлом году это случилось... Также во время экспедиции в Чечне, в Гойтинском лесу Голицын был ранен пулей в живот... Из раны вышел сальник. При несвоевременной операции он и был причиной его смерти, после жутких страданий... Эх, господа, – скорбно опустив голову на грудь, продолжил Мельников, – ей-Богу, господа, пускай бы куда хотят, пускай... только бы не в живот... Завтра бой... кто знает, други, быть может, именно туда и попадут...⁴⁴

---

⁴³ Обстановка (*фр.*).

⁴⁴ М е л ь н и к о в Павел – юнкер, университетский товарищ князя А. М. Дондукова-Корсакова, участник экспедиции в Дарго (убит в 1845 г.).

Поразил в тот вечер Александра и его тезка – адъютант Лонгинов. Всегда жизнерадостный, бодрый, прошлой ночью он был на редкость хмур и молчалив, как будто предчувствовал свой близкий конец.⁴⁵ На эту малость никто не обратил внимания; за первым бокалом чихиря и с первой хоровой песней все было забыто... Но сейчас, когда вокруг лязгала и гремела сталь оружия идущих на смерть егерей, это обстоятельство отчего-то болезненно ярко проявилось и крепко врезалось в память князя, и он даже украдкой, так, чтобы не видели другие, поспешно ощупал свой затянутый офицерским поясом живот...

С дальнего холма, где находилась ставка командующего, за движением с участием наблюдали: вон показались неприятельские значки конных татар, впереди которых ехала группа из пяти человек на белогривых скакунах с красными, синими и зелеными лоскутами на древках... Там замелькали черкески и папахи; передний завал окрасился дымами; туземные цепи рассыпались в скалах и вдоль опушек.

На кремнистом, безлесом взлобье холма, у шатра командующего, слышались оживленные восклицания и комментарии.

– Bravo, литовцы! Славно идут орлы!

– А как держат строй, генерал! *Quel charmant coup d'oeil! Charmant! C'est un vr-rai plaisir faire la guerre dans un aussi beau pays.*⁴⁶

– *Et surtout en bonne compagnie, mon cher*⁴⁷, – улыбаясь в седеющие усы, приветливо кивнул графу Строганову полковник Вольф.

– Внимание! Внимание, господа!.. Сходятся! Сейчас начнется самое интересное!

– Дай Бог мужества нашим алкидам. Вот оно!.. Ах, как пошли а атаку! *Voilà comme el est*⁴⁸, русский солдат!

* * *

– Татары-ы-ы!!

Этот накаленный напряжением ожидания возглас застрял в ушах, вернув Александра к действительности. Возглавляя отряд кавказских офицеров, сопровождавших пехоту, он, как и другие, по принятому обычаю был верхом, что в Кавказской войне бытовало причиной большой убыли офицеров, являвшихся лакомой мишенью для метких пуль горцев.

Впереди пышно расцвели белые дымки... Но тут же разноголосые выстрелы неприятеля заглушил дружный залп егерей. И только злой гуд пролетающего мимо свинца напоминал наступавшим, что не все выстрелы были с их стороны.

Пехота с ружьями наперевес по приказу своих командиров рассыпалась в цепи, перешла на «беглый шаг»; артиллерийская прислуга, остановив четверки тягловых лошадей, сноровисто принялась разворачивать лафеты многопудовых орудий, когда к генералу Белявскому, командовавшему авангардом, подскочил начальник грузино-осетинской милиции князь Эристов Захарий и на всем марш-марше осадил оскаленного коня.

– Ващ-щ пр-рвасхадытэлства! – бросив пальцы к папахе, горячо сверкая глазами, выпалил он. – Пр-рыкажите пустыт кавалер-рию! Вах! Конный чачэн! – Грузинский князь, на красной цухе⁴⁹ которого серебряным частоколом топорщились газыри, указал шашкой-кард на показавшихся из леса верховых горцев.

---

⁴⁵ Лонгинов Александр Николаевич – адъютант графа М. С. Воронцова, участник экспедиции в Дарго (убит в 1845 г.).

⁴⁶ Какое прекрасное зрелище! Очаровательно! Истинное наслаждение – воевать в такой прекрасной стране (*фр.*).

⁴⁷ И особенно в хорошей компании, мой дорогой (*фр.*).

⁴⁸ Вот он каков (*фр.*).

⁴⁹ В. Пфаф писал: «Парадная одежда грузин и осетин во многом отличается от обыкновенной. Рубашка бывает из тонкого цветного полотна. Бешмет (архалук) называется по-осетински «корост». Черкеска (цуха) из более тонкого сукна, синего, коричневого, белого, желтого и даже красного цвета. Черкеска или кафтан спускается несколько ниже колена, и на груди, традиционно для горцев Кавказа, пришит ряд кожаных газырей для патронов («перц», «перцитое» во мн. числ.). На правой и левой стороне груди до 7, 8, 9 таких газырей-футляров. Это украшение чрезвычайно изящно и придает одежде кавказских горцев особенную прелесть. В кожаных газырях, пришитых на груди к цухе, находятся пули, у богатых – из настоящего серебра...

– В добрый час, князь! В помощь вам будет сводный эскадрон Главной квартиры! Дай вам Боже! Мы слуги Святой Троицы!

Вождь дружины поднял на дыбы рьяного, лягливого жеребца и во всю меть понесся к своим знаменам – знакам чести и славы кавказских христиан. Сквозь трескотню ружей, металлический визг картечи и шипенье конгривовых ракет до генерала Белявского донеслись торжественные звуки воинственной и суровой песни «Гергетула».

Стаккато трубача, вонзившееся серебряной стрелой в затянутое пороховыми дымами небо, послужило сигналом к атаке.

...Дондуков-Корсаков, задерживая дыхание в напряженном ожидании команды, счастливо вырвал из ножен саблю. Сталь ярко вспыхнула на солнце.

– Эскадро-о-он! – Клинок накренился вкось, замерев на миг над стоявшими торчком чуткими, точно вырезанными из белого фетра ушами коня. – За мно-о-о-ой!!

Земля содрогнулась и загудела под сотнями лошадей, хлынувших гривастым потоком в кровавую сечу.

Корсак горел лихорадкой схватки. Его белый конь с желтыми подпалинами на морде рвался чертом во весь опор, ляская зубами о трензеля⁵⁰, с каждой откинутой саженью приближаясь к летевшему навстречу врагу. Черный клин кавалерии горцев огласил ристалище пронзительным криком, над папахами хищно сверкнули голубым ливнем шашки.

Сквозь режущий свист в ушах Александр краем уха услышал частые хлопки выстрелов. Первая пуля злобной осой тягуче просвистела над его головой. Следом ее нагнал целый рой свинцовых подруг. Рядом чмокнуло. Дико зареготала лошадь. На миг обернувшись, князь выжег в памяти клеймо увиденного: английская кобыла флигель-адъютанта Лескова, вскинув окровавленную морду, со всего маху опрокинулась через голову, вырвав из стремян седока. Оглушенный Лесков даже не успел закрыть лицо руками. Его тут же растоптали копыта несущихся следом коней.

– Уо-о-о-ех-ех-ех!

– Аллах акбар!!

– Ур-ра-а-а-а!!

...Дондуков-Корсаков в слепящем сполохе разорвавшегося ядра выхватил из несущейся на него лавы перекошенное ненавистью лицо мюрида в чалме: оскаленный рот, налитые звериной лютостью глаза.

Сталь с оглушительным звоном вгрызлась в другую сталь, бешено застучала в смертельной сшибке, заскрежетала, высекая снопы искр. Раскаленный воздух огласился криками, воплями и ужасом вставшей на дыбы смерти. Все скрылось в заclubившихся столбах пыли – будто свет солнца померк и на землю сошла тьма. Отточенный булат разил плоть, вонзаясь в живое. Обезумевшие кони несли на своих взмыленных спинах порубанных седоков, волочили зависшие в стремях трупы.

Эти газыри в настоящее время служат только традиционным украшением, прежде же они были наполняемы порохом, пулями и зарядами для винтовки и пистолета. На поясе, узко стянутом, в праздничные дни осетин носит спереди кинжал («кама»), а по сторонам – один или несколько пистолетов («дамбадзе»). Шашка же («кард») висит через плечо, на спине – винтовка («топ»), большей частью в чехле из медвежьей шкуры или белого козла. Осетины носят на голове довольно высокую папаху («худ») из черного бараньего меха или простую полусферическую войлочную шапку. Впрочем, папаху сильно подвержена моде: порою ее шьют очень высокою – в аршин высоты, а в иное время довольно низкою, так что она немного лишь выше папахи крымских татар. Изменчива мода и на цвет папах, и на длину прядей овчины. Эту папаху осетин почти никогда не снимает, что отчасти происходит оттого, что голова у большинства совсем обрита. В дороге, на привале в ночное время папаху служит подушкой. В Закавказье осетины носят иногда и папаху конусообразной формы, как у закавказских татар (азербайджанцев) и у многих грузин. Главное щегольство осетина-воина составляет оружие и кушак («рон») или пояс. Последний большею частью украшен серебряными различными форм бляшками».

⁵⁰ Металлические удила, которые служат для управления лошадей путем надавливания на язык и углы рта, а также цепочка для удерживания мундштука во рту лошади (нем.).

Черкески, мундиры, папахи и каски, пики и сабли – все смешалось, слиплось в грязно-бордовый, рычащий проклятьями ком; раненых и убитых придавливали все новые тела – земля на глазах превращалась в копошащуюся, пульсирующую грудю окровавленных тел. Под толчеей лошадиных копыт отовсюду тянулись руки; пальцы корежила агония, перекошенные рты рвал предсмертный хрип, и тот, кто срывался с седла в рычащую, краснозубую киповень, уже не мог выбраться из этого ада.

...Полковник Дондуков-Корсаков не помнил, как вырвался из огня и дыма... Противник был смят неистовым напором Главной квартиры и мчался к лесу, опасаясь от сабель гвардейцев. Преследуя врага, рванувшаяся было стройной лавой кавалерия рассыпалась, дробясь и ломаясь. Передовые, в том числе Александр, спускаясь все далее в балку, оторвались от своих. Внезапно сквозь стекло слёз, надутых ветром, они увидели перед собою узкий лесистый хребет, где большак сужался до двух-трех сажен, едва позволяя пройти одному оружию. С обеих сторон дорогу затирали отвесные кручи; далее шел довольно крутой подъем, окаймленный непроходимым лесом и перерезанный расположенными амфитеатром огромными неприятельскими завалами. Все они были сложены из вековых деревьев, переплетенных сучьями, и укреплены насыпной землей и валунами.

Первый дюжий завал находился на спуске, за ним зияла просторная котловина, отделявшая эту защиту от последующих укреплений, таким же образом расположенных на подъеме Даргинской тропы.

Все завалы были забиты неприятелем; папахи горцев плотными рядами виднелись из-за увядшей листвы, и стволы винтовок мрачно мерцали между сучьями в ожидании своего часа.

Александр, сгорая от нетерпения, насилу дождался с товарищами, когда подтянутся основные силы. Однако разгоряченные сабельной рубкой гвардейцы имели непростительную глупость, не сходя с лошадей, с обнаженными клинками поскакать на завал впереди пехоты, как будто можно было перескочить эту преграду, – впрочем, некоторые горячие головы и перескочили.

По кавалерии, кроме убийственного, почти в упор, огня из атакуемого завала, ударили залпы мюридов из прочих стрелковых гнезд, господствующих над этой позицией.

Александр видел, как под перекрестным огнем рухнул с коня кирасир-знаменосец, и двуглавый имперский орел на поникшем полотнище сорвался с неба на землю. Его трижды подхватывали руки гвардейцев, и трижды он вновь падал, покуда древко изрешеченного знамени не подняли подоспевшие егеря.

– Ур-ра-а-а-а! – Литовцы вовремя поддержали захлебнувшуюся в крови атаку кавалерии.

...Александр, плечом к плечу с Мельниковым, был уже у завала, когда сердце князя схватилось болью. Юнкер вдруг выгнул дугой спину, как от укуса, а затем уткнулся лицом в гриву коня, напоровшегося брюхом на острые сучья. Растерянно глядя на Дондукова-Корсакова, Мельников слабо крикнул ему, давась хлынувшей изо рта и ноздрей кровью:

– Кончено, Корсак, кончено, брат Александр... В живот... зараза!.. Как знал...

– Пашка!.. Павлу-уша-а!! – Александр, не обращая внимания на визг пуль, спрыгнул с седла и, бросив коня, кинулся на помощь Мельникову, серебряная шпора которого, как плотва в бредне, запуталась в стремях. Но не успел он перескочить через трупы вповалку лежащих бойцов, как страшный удар в левую ногу подрубил князя. Падая на распростертые тела, он видел перед собою зарубленного сотника в заплывшей черным студнем черкеске. Горская пашка по кровостоки надрубила кость затылка и шею казака, где брал начало позвоночный столб.

...Вырванное болевым шоком сознание вернулось к князю, как только он коснулся земли. Открыв глаза, Александр узрел раздутые дымчатые ноздри своего жеребца, а рядом молодого князя Ираклия, находившегося в авангарде с грузинской дружиной. Рискуя каждую секунду

быть убитыми, они все же сумели стащить с седла смертельно раненого Мельникова, и подоспевшие грузины вынесли его из огня.

Сам Александр остался в завале, уже занятом егерями, и, пытаясь прикрыть себя хоть как-то от пуль, заполз под сваленную чинару. Скрипя зубами от боли, полковник вжался спиной в разлапистый комель и стал осматривать одревеневшую ногу. Оказалось, что пуля, пробив голенище сапога и мякоть икры, слегка царапнула кость и порвала сухожилия, но наружу так и не вышла. Впрочем, обо всем этом Корсак узнал уже позже, а тогда... Полный горячей крови сапог он вспорол черкесским кинжалом, с его же помощью вырезал злосчастную пулю, кою нащупал под кожей. Окровавленную свинцовую горошину князь сунул в платок, решив подарить ее старику-отцу при первой же их встрече⁵¹.

– Дьявол! – Он отнял пальцы от раны; их заливала липкая кровь. Под руками, как водится в таких переделках, не оказалось ни бинтов, ни корпий⁵² – хоть сдохни! Полковник собрался драть на полосы бешмет, когда пробежавший мимо князь Федор Паскевич бросил ему свой батистовый шейный платок. Им и удалось туго перевязать ногу.

---

⁵¹ Забавен тот факт, что эту самую пулю отец Александра позже отдал в день свадьбы сына его молодой жене, которую она сохранила до конца своих дней.

⁵² Ныне вышедший из употребления перевязочный материал – нитки, нащипанные руками из старого полотна, заменявшие марлю и вату.

Глава 10

Между тем авангард генерала Белявского, как медведь, напорившись на рогатину, ввиду сильнейшего огня противника остановил наступление, перейдя к обороне. Но это был напрасный труд! Позиция русских войск была у горцев как на ладони и простреливалась подчистую. С лесистых склонов безостановочно грохотали тысячи ружей, свинцовым дождем исклевывая застрявшую в теснинах пехоту и кавалерию. Пули нещадно пронзали перебежавших от камня к камню людей, отрывали им руки, дырявили головы, ноги и груди. Мюриды, казалось, стреляли и с неба, и с земли: и снизу из оврагов, и с фронта из завалов, и сверху с гранитных зубцов и уступов скал. Это был ад крошечный! Кровавая бойня, безжалостное, методичное избиение попавшего в западню русского авангарда. В захваченном завале стояла такая жуть и смятение, что все бы закончилось паническим бегством, если бы люди знали, в каком направлении им бежать. Повсюду их поджидали ряды огнедышащих барьеров и раскаленных пожаром камней, нескончаемые ряды завалов и «волчьих ям» с забитыми в дно заостренными кольями... и решительно невозможно было определиться в этом кишашем месиве с направлением.

Генерал Белявский, теряя самообладание, был близок к самоубийству. Под ним были застрелены две лошади, на его глазах под жесточайшим перекрестным огнем в течение всего нескольких минут чеченцы перебили всю артиллерийскую прислугу, которой он приказал выдвинуть на большак, к котловине, горные орудия.

...Видел Константин Яковлевич, как в непосредственной близости от него был ранен двумя пулями в шею (с перебитием позвоночника) молодой исполнительный артиллерийский офицер Капитонов, командовавший взводом. Какое-то время он продолжал стоять в бессознательном состоянии; все члены его как будто окоченели, взгляд заострился, остекленел, и в этом ужасном виде он был подхвачен и отнесен в завал егерями⁵³.

Опасаясь, что горцы захватят оставшиеся без прикрытия орудия, генерал Фок (находящийся в числе столичных дилетантов при Главной квартире) отважно, но бестолково бросился с несколькими гвардейцами к пушкам. В минуту все шестеро были перебиты, а Фок, пораженный сразу пятью пулями, крутнулся, как заведенный, два или три раза на месте и рухнул замертво.

Вся трагедия разыгралась на глазах полковника Дондукова-Корсакова, беспомощно лежавшего с простреленной ногой в завале, в трех саженьях от этого места. В памяти князя застряла занозой последняя минута гибели генерал-майора Фока... Подбрасываемый пулями, тучный, как баварская пивная бочка, Фок, казалось, ловил и прижимал к груди непослушными руками далекую небесную синь... Его набрякшие болью глаза с испуганным изумлением низали окружающие предметы... Потом он навзничь распластался на лафете, и Александр мог видеть сквозь ветви чинары лишь полушарие его тугого дородного живота и край сизо-красной щеки; пышный бакенбард, ухоженный и холеный, теперь мертво колосился над задраным эполетом, на коем искрился золотым шитьем Государев вензель.

Катастрофу предотвратили подоспевшие в последний момент brave кабардинцы. Раскатистое «ура» и новая волна штыковой атаки подхватили расстроенные ряды поредевшего авангарда и бросили его молодцов с оружием в гору, вышибая мюридов из их укрепленных и пристрелянных гнезд. Штурм этот был проделан с такой быстротой и лихостью, что премного ископил то отчаянное замешательство, которое постигло было дрогнувший духом авангард.

---

⁵³ «Здесь в первый раз я наблюдал, что называется «tetanos» (столбняк)... [...] Я видел сего офицера еще раз при отступлении из Дарго: его несли на носилках вроде кресел, так как голову он не мог наклонить вследствие раны; несчастный потерял всякую память, находился в полнейшем идиотизме и умер, кажется, на одном из переходов в Герзель-ауле» // Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845–1846.

Вскоре литовцы, куринцы и кабардинцы были уже на горе, и рачительные саперы деловито приступили к расчистке дороги.

* * *

– Ляксандер Миха-а-алыч! Ляксандер Миха-а-а-алы-ыч!! Эге-ге-ей!

Князь вяло обернулся на знакомый голос. От потери крови мутила тошнота, и он, придерживая рукой пульсирующую болью ногу, грыз щепку, стараясь не потерять сознание. Сквозь подсвеченную солнцем пыль проглядывала, точно покрытая сусальным золотом, фигура верхового. Минута – и она обозначилась явственно: грязная, драная, вся в бурых рдяных пятнах, но... такая желанная и родная.

– Никита, сукин ты кот! – Сердце князя сжалось от прихлынувшего облегчения. Он, радостно и счастливо смеясь, погрозил кулаком своему ординарцу-телохранителю. – Где ж ты был, сволочь?

– Ваша светлость! Ляксандер Михалыч, вот радость-то, живы! Сыскались наконец! В штабу-то, поди, вычеркнули вас уже из реестру, а я вот, честно слово, не верил, шоб, значит, погибли вы. Не такой кости вы человек!

Огромный казак Горского полка Никита Густомясов спрыгнул с коня; роясь на ходу в подсумке, достал моток белой тряпицы и принялся за перевязку.

– Эвон вас как посекали нехристи... Ну-к, дайте, ваше скобродие, гляну, где вас примолвили.

– Ты сам-то где кочевал, пустяковая душа? – кривясь от боли, подтрунил Корсак. – Где тебя черти носили? Никак струхнул, герой?

– Пошто за душу обидой хватаешь, барин? – басом прогудел казак. – У бокового завалу, мать их ети... татарин крепко задержал нас с подмогой. А опосля потерял я вас, Ляксандер Михалыч, в этой крошке!.. Сами знаете, чой-т тут делалось... Уж где толички вас не искал, коня ушатал, пушал во все повода... Спину, кажись, гнедку насадил. Беда...

– С абреком-то как у тебя обошлось? – прислушиваясь к отдаленной стрельбе, продолжал князь.

– С этим-то говном?... Полюбовно, со всей у вежливостью, – растянул в улыбке разбитые в кровь губы Никита. – Он, значит, пырнул меня, гад... трохи до горла не достал кинжалищем... Ну, тут уж и я его, джигита, без внимания не оставил. Поцеловал кулаком... пульки-то, мать их ети... допрежде расстрелял, акромья вот этих молотков. – Густомясов, на миг оторвавшись от перевязки, поднял свой огромный, полуаршинный кулак, весело заглядывая в глаза князю.

– Стало быть, приютюжил?

– Стал быть, так, ваша светлость. Насмерть. Вот, память оставил о себе абрек! – Казак шлепнул ладонью по широким ножнам чеченского кинжала, который украшал его пояс. – Бешеная порода – другого языку не понимает, язвить их в душу, поганцев. Эти гололобые не помилуют, сразу секим-башка! В лучшем случае, в яму забьют, подлюки, да колодки на ноги – это уж обязательно.

– Ты долго еще будешь копать, болтун?

– Готово, ваша светлость. Теперича совладеете. Ну-кось, дайте руку! Поторопимся, не то к раздаче кухни не успеем... Ишь, солнце уже на чинаре повисло.

У обгоревшего дуба, где были натянуты тенты лазарета и шла активная перевязка раненых, над папахами и штыками вновь прибывших из резерва егерей гремел надрывно-ржавый командный голос:

– Третья, четвертая роты, живо! Кто там комкает строй?... Равняйся! Смирно! Нале-еву! Шагом марш! Подтянись, кубанцы!.. Веселей, казачество!

В клубах розово-белой пыли, прогромыхал седьмой батарейный взвод 2-й артиллерийской бригады. Ломовые битюги⁵⁴ шли крупной тяжелой рысью. Ездовые яро размахивали плетью, прикрикивая на лошадей, не позволяя тем забирать в сторону.

...Александр, опираясь на плечо ординарца, прикрыл от пыли лицо перчаткой. Движение войск шло непрерывным потоком. Лязг зарядных ящиков, натужный скрежет колес, захлебистое ржание лошадей, дребезжание лафетов, скрип седел, команды младших офицеров – все смешивалось и сбивалось с рокошущей в ущелье стрельбой и громовым гулом батарейных залпов.

– Да уж, державно наезжает наш брат на Дарги... – жмурясь от пыли, уважительно покачал головой Густомясов. – Ну, так оно и понятно, мать их ети, – Государева служба. Все тут нынче до кучи собрались: и славные казачки, и солдатушки, и дика дивизья... Однакось и нас сёдне на зуб попробовал Шамиль Иваныч. Не побрезгал. Слыхали, ваша светлость? Начальник убит... из Генерального штабу...

– Фок? – Александр устало прикрыл отяжелевшие веки. От потери крови его неодолимо клонило в сон, и уже почему-то далеким казалось то, что случилось там, при взятии завала.

– Про Фока врать не могу-с, а полковника Левинсона, гутарят, нашла чеченска пуля. Земля ему пухом...

* * *

Под одним из выгоревших добела тентов, где резко пахло нашатырем, гнилой кровью, карболкой и йодом, где под операционными рамами раскладных столов в забрызганных кровью латунных тазах валялись отрезанные кисти, пальцы и ступни, князь Дондуков-Корсаков нашел бедного Мельникова, которому уже удалили часть сальника, вышедшего из раны. Бледный, весь в зернистом поту, юнкер лежал на носилках, укрытый байковым одеялом с армейским черным клеймом, и морщился от озноба, гусившего его мокрую спину, живот и ноги. Глубоко запавшие глаза смотрели вниз, заострившиеся скулы, обыкновенно схваченные румянцем, теперь были серы.

– Павлуша... ты слышишь меня? Юнкер Мельников! Пашка-а! – Слезы зло защипали глаза Александра.

– Отставить, полковник! Будьте благоразумны. Ужели не видите, черт возьми, раненому нужен покой. Да уймьтесь вы!

Князь, остановленный окриком подошедшего доктора, замер, издали глядя на Мельникова: на его мертвенную позу, на застывшие черты, принявшие лаконичную строгость, и пытаясь заметить хоть малейшее биение жизни в его теле.

– Это Пашка, майор! Понимаете, Пашка... мой лучший университетский друг! Мы с ним... Как он, майор? Он будет жить?!

Полковой доктор Абрамов, облаченный поверх мундира в белый, ухлестанный кровью балахон, устало сказал:

– Для меня все едины, полковник. Я сделал, что мог. Остальное зависит от него самого... и Господа Бога.

– Благодарю, майор. Я все понимаю. Прошу покорно извинить. Честь имею.

Князь склонил голову, и ему сделалось неловко от проявленной слабости. Глядя на Сыча (так солдаты окрестили скупого на слова доктора), на его тускло желтевшую осенним листом плешь, на его руки, которые что ни день спасали чью-нибудь жизнь и которые, как казалось, с рождения пахли порошками и мазями, Александр вдруг почувствовал, что для этого человека старые, с детства знакомые каждому слова – жизнь и смерть, болезнь и здоровье – полны глубокого смысла.

---

⁵⁴ Рабочая лошадь-тяжеловес крупной породы.

– Я вижу, вы тоже ранены, полковник. – Александр Геннадьевич воззрился на перевязанную ногу князя. Под пенсне озабоченно блеснули темные глаза майора.

– Да я-то что... – хотел было с бравой легкомысленностью молодости отмахнуться Александр, но тут с носилок донеслось слабое:

– Корсак, ты?..

– Пашка! – Князь, забыв о ранении, устремился к другу. – Ну как ты, красавец? – криком вырвалось у него, когда он склонился над Мельниковым.

– Конь мой... Цезарь где?

– Цел твой Цезарь, брат. Еще послужит тебе. Никита с казаками отловили его у завала вместе с моим Шутком, как только егеря выбили тавлинцев. Ты сам-то как?! Мы ведь с князем Ираклием... грешным делом...

– Пустое, – горько усмехнулся Павел. В наступившей тишине отчетливо стало слышно его тяжелое и короткое дыхание. – Жаль, уж видно, боле не смогу принять тебя, Корсак, в своем имении... Помнишь, как угощались за милую душу?.. А какая из черной смородины наливка у нас – это ж... не выразить... до чего хороша и сладостна... Сашка, – Мельников остановившимся взглядом смотрел на князя, – мы все не сегодня-завтра умрем в этих чертовых горах, верно? Это наш эшафот, Саша... ведь так?

– Может, и так, братец, – хмуро ответил Александр, однако тут же встрепенулся и подмигнул другу: – Но лучше завтра помирать, чем сегодня. И вообще, что за разговоры, юнкер? стыдно! Mauvais ton.⁵⁵ Брось эту мерзкую ворожбу, Павлуша. Ты – русский офицер. Слышишь, не смей!

– Спасибо тебе за все... Будешь у нас, выпей уж за меня наливки. – Мельников снова умолк, и снова стало слышно его прерывистое хриплое дыхание. – Ты уж будь любезен, Корсак... – слабеющим голосом вновь выдохнул он, – черкни маменьке моей... так, мол, и так...

– Отпишу, братец, нынче же, как возьмем Дарго. Только ты еще сам поднимешься, вот крест. Ты только держись! Оставайся живым, Павлуша...

– И ты тоже... – с напряжением выдавил Мельников и уже почти беззвучно выдохнул: – Прощай.

Александр потрясенно смотрел на твердеющее лицо друга, из которого с каждым мгновением улетучивалась жизнь, обращая его в холодную бесстрастную маску.

– Пашка-а!

– Полковник! – Голос майора Абрамова был по-военному тверд и категоричен. – Отойдите! Грош цена вашим словам, князь. Похоже, вы ни черта не понимаете! Что вы себе позволяете? Вы хотите...

– Доктор!.. Но он же...

– Молчите!

– Так дайте, я хоть попрощаюсь с ним!..

– Ему этого уже не нужно!

– Мне нужно!! Мне!! Оставьте нас наконец в покое, майор!.. – Голос князя сел до напряженного шепота. Было видно – он сдерживается из последних сил: взгляд отливал хищным блеском булата наполовину извлеченного из ножен клинка.

– Да делайте, что хотите!.. Вы все с ума посходили, господа, на этой проклятой войне! Бог вам судья...

Майор круто зааршинил к палаткам лазарета, куда прислуга 3-го взвода санитарной роты Куринского полка то и дело доставляла с завалов все новых и новых раненых.

– Посторонись, ваш скобродие!

---

⁵⁵ Дурной тон (*фр.*).

Два санитаря-куринца, старый и молодой, буднично подхватили носилки и, верно, испытывая бытующее у солдат сильное чувство отвращения к месту, где был ранен-убит человек, без проволочек унесли тело юнкера Мельникова к сырым комьям братской могилы.

«Кончено, Корсак... В живот... зараза! Как знал...» – запоздалым эхом, как-то пугающе-веще прозвучали в памяти слова.

«Твою мать!.. Как же так, Павлуша?.. Ведь Сыч сказал, что рана обещает благополучный исход. Врал? – Александр промокнул платком лицо, стер копоть порохового нагара, стряхнул крошки древесного щепья, понабившиеся в усы и бакенбарды, и, продолжая видеть перед собой живое лицо друга, сказал про себя: – А вся беда из-за того, Павлуша, что тебя ежеминутно преследовала мысль о Голицыне, и ты, дурак, прости меня, Господи, убедил себя в своей смерти».

Глава 11

Наши предки давно назывались скифы,

Ну, а мы – казаки! Казаки!!

Гаркая речитативом слова припева, прогрохотала к дымящимся завалам свежая сотня кубанцев.

У ароматных котлов уже побывавшей в деле пехоты шелестом пополз смех в адрес верховых; бойкий одноглазый куринец, смачно облизав деревянную ложку, хохотнул:

– Давай, шуруй, казачата! Щас вам Шамилька вдует под хвост хороший бакшиш по самое не хочу. Пошшупает вам зоб с яйцами. Вах! Сабсэм мала болна будит. Ха-ха-ха!

– Верно, Петруха! У него родни в горах, как на сучке блох...

– Аха-ха-а-а!

– Га-га-га-а!

– Ишь, с порогу в намет взяли! Зело борзо! – Одноглазый с плохо скрытой завистью проводил взглядом удалых кубанцев. – А хто им, «подковам», дороженьку до пятого завалу своими кровями омыл да расчистил? Вот тебе и весь пляс... в два притопа, в три прихлопа!

– Да будя, Пэтро! – мусоля во рту конец длинного уса, добродушно буркнул немолодой тавричанин. – Тоби тильки брэхаты... у-у, ботало! Казак с маткиной сиськи... с люльки свое дело бачит. Не жадуй до славы, хлопцы. Оно ведь издревле так: хвастун в кавалерии, умник в артиллерии, пьянь на флоте, а дурак в пехоте.

– Тю-у! Не тявкай, хохол. Ты, чай, сам не из нас – «сапогов»? Гутарь молча и мало.

– Це як же?

– А ты у мертвяков спроси, Богдан!

– Ха-ха-ха-а!

– Дурый ты, Пэтро, як тэляты. Под носом у тоби взошло, а в башке не посеяно, – ничуть не обижаясь на подковырки сослуживца, усмехнулся дядька Богдан и, жмуря лукавый глаз, подмигнул притихшему кругу. – Ты сам зыркни в порты, Пэтро. Кочерыжка-то твоя... на месте ли? А то, поди, отсекло достоинству? Лишили басурмане героя славы!..

– Га-га-га-а!

– Вот «тоби» и куцый кобель, Петруха! Прочистил тебе гляделки хохол, утер соплю?..

– Аха-ха-ха! Не залазь наперед!

Одноглазый усмехнулся, но тоже без обиды и злобы, сунул за голенище облизанную до блеска ложку, развел руками и обезоруживающе гоготнул:

– А х... ли вы хотели, братцы? На то и ш-шука в пруду, чоб карась не дремал. Хохол – он и есть хохол. А ты вот нам ответь, Богдаша, коль ты такой крученный, «як» поросячий хвост... Чья возьмет нонче штурма за Дарги – наша аль Шамиля?

Тишина обручем сковала шумных куринецов. Отчетливее стала слышна близкая канонада неумолкающего боя. Серьезные и сосредоточенные лица егерей в напряженном ожидании смотрели на тавричанина, как будто тот был оракул и знал наперед, кого и какая ожидает судьба.

– Пошто заглох, Богдаша? – с чувством надавил Петро и со злорадством подморгнул хохлу. – Чо случилось?

– Свинья отелилась! Трэба порох получать, хлопцы. Нэ за горами построение... Там и шукайте ответ.

* * *

...В три часа дня к лазарету, следуя традиции былых суворовских времен – навестить раненых и отведать солдатских харчей, – подъехал главнокомандующий.

Каша, как по заказу, на сей раз удалась на славу. Пшенная, добротная, она клубилась паром, и по бокам ее янтарным серпом наплывало масло. «Солдатским угощением» Воронцов остался доволен; за незайтливым разговорцем его сиятельство отведал две-три ложки из поднесенного ему куринцами котелка.

– Наш генерал! Наш ва-сяса... – с довольным покряхтыванием говорили у костров ветераны.

– Ишь ты, не залимонился от служацкова харчу... Не в пример другим благородиям да «графинам», братцы! Не поморщился от нашенской вони.

– Да, чай, не отраву и не дерьмо ел, – едко воткнул кто-то из молодых, – да и вонь наша ему не чужая. Куды он без нас в этом волчатнике?

Но бойкому на слово молодому рекруту седоусые егеря в два счета «подковали» язык. Весь взвод, как пчелы, со злобой напустился на «балабоя», лишив его табачной пайки и пригрозив, что если он еще раз «залудит» такую «хурду», то никто не бросится за ним под пули на выручку.

...Его сиятельство, между тем, поблагодарил солдат за угощение и, вскочив на коня, обратился с подтянувшимся полкам с проникновенной огненной речью, дошедшей до сердца каждого:

– Братцы егеря! Дорогие казаки – витязи земли русской! Не вашей ли беспримерной доблестью и подвигами, жертвами и геройством сильна Великая Россия? Все вы присягали на верность нашему Государю и Отечеству. Все вы клялись встать вместе со мной на защиту границ Святой Родины, когда придет срок. Час пробил! И потому мы здесь! Знайте – Царь рассчитывает на нас... как знаете и то, что об отступлении не может быть и речи. Его не будет! Как не будет боле и белого флага – переговоров с вероломным врагом. А потому, други мои, у нас один путь – победа! Ежели кто прикажет отступить, того колите! Я прикажу – заколите меня!

Рокочущее, как морской прибой, восторженное «ур-ра-а-а!» готовых идти в бой войск сопровождало упругий курцгалоп⁵⁶ командующего вдоль застывших «на караул» шеренг.

* * *

(Из дневника А. Лебедева)

«...Ура! Мы были свидетелями, как литовцы молодцами смыли свое бесчестие. Едва ли их уцелела четвертая часть, но позор – *une conduite honteuse* польской кампании – был смыт, и новое знамя, добытое ценою пролитой крови в Ичкерии, было вручено оставшимся в живых взамен утраченного при Вовре.

Мы были потрясены напором молодежи Главной квартиры. Эти сорвиголовы в жажде славы совершили нечто совершенно невозможное: отряд гвардейских офицеров (среди коих был и мой закадычный товарищ, князь Дондуков-Корсаков), благодаря своей отчаянной храбрости взял подряд три ряда завалов!

Не устояв против подобного порыва, неприятель отошел и уступил нам спуск в лес... Но и мы понесли здесь весьма тяжелые потери, и в числе таковых наиболее чувствительной была гибель полковника Генерального штаба Левинсона, выдающегося офицера, финляндца по происхождению.

...Напротив занятого нами склона возвышался другой, на который следовало взбираться; он тоже был опоясан укреплениями, а это значило – впереди новый штурм. Несмотря на сильный картечный и ружейный огонь, враг продолжать атаковать нас густыми массами... Что ж, штык и шашка опять пошли в дело.

Минутами должно было считать сей кровавый бой. Уже многие пали бездыханными, уже многих недосчитывались в наших рядах. Геройски погиб после пятой раны закаленный в

⁵⁶ Короткая скачь лошади.

боях штабс-капитан Смирнов. Был убит юный царский слуга, прапорщик Танской. Еще трудно было определить в водовороте штыков и шашек, сабель и кинжалов, на чьей стороне будет перевес. Вайнахи дрались со зверской отчаянностью шахидов-смертников. А может, они ими и были?.. В рукопашной, где в ход шло все – вплоть до зубов, где среди хруста ломаемых костей и распоротых сухожилий огнем шрапнели изрыгалась смерть – билось и грызлось между собою нечто большее, чем ненависть... Здесь столкнулось обоюдное желание истребления друг друга – русских и горцев, Запада и Востока... И желание это было столь же естественным, как чувство самосохранения, как бессознательное стремление уничтожить смертельного врага, сокрушив его железный хребет.

...Минута, другая, третья, и пасти канав наполнились порубанными телами воинов Аллаха, лежавшими вперемежку с егерями Куринского полка.

...Я был на левом фланге с остатками своей сотни, когда наша пехота, подавляемая силою и числом противника, начала отступать. Мюриды уже обегали наши орудия, как в сей решительный момент ударившие во фланг семьдесят егерей во главе с самим полковником Бенкендорфом вновь изменили ход дела: тавлинцы дрогнули и обратились в бегство, оставляя на месте сечи груды тел убитых своих соплеменников.

Не менее жестокий бой вели и другие две роты куринцев. Огромная партия пеших чеченцев, по-волчьи – стремительно и скрытно – пробравшись по дну каменистой балки, вгрызлась в правый фланг авангарда. Передние завалы, обогранные кровью и заваленные трупами, уже в третий раз переходили из рук в руки. Но, видно, наибы Шамиля забыли в пылу сраженья главное – что они имеют дело с русским солдатом!

«Ур-ра!» – и испытанные кавказские усачи, георгиевские кавалеры, бросились в штыки. И вновь егерями были взяты завалы. Но какой дьявольски дорогой ценой достались они нам! Заметно уменьшились ряды куринцев, кабардинцев и апшеронцев. Любимый ротный командир последних капитан Кирьяков был убит пулей в висок. Взводный командир подпоручик Толпыга был тяжело ранен, но не оставил строй. Его примеру следовали и другие раненые егеря. Никто из них и не подумал бросить товарищей в столь роковые минуты.

...И снова дикое гиканье сотрясло гудевшие стены ущелья. Его хвостатое эхо билось о скалы, сливаясь с яростным гулом артиллерии. Новый бешеный удар шашек и штыков... и новые жертвы обагрили свою кровью и без того пропитанную ею землю.

...Помню, как из огня и дыма выскочил чертом – весь в пороховой гари – Моздок, поймал носком вертлявое стремя и, собрав взмахом клинка куцую от потерь сотню, вновь увлек ее за собой в сечу. Я рванулся со своими к нему на выручку, и... к сроку! Наших встретила ружейным и пистолетным огнем конная партия лезгин, бросившаяся на казаков в шашки.

...Выстрелом в упор я выбил из седла замахнувшегося кинжалом мюрида... Конь мой перескочил через раскуроченную ядром станину лафета и опустился на хрустнувшее под ним тело заколотого тавлинца...

...Горцы вновь попытались нанести авангарду лобовой удар, но их влет осадила беглым огнем подоспевшая батарея Шардина. Над нами с клеткотом и свистящим ревом пронеслись ядра – впереди вспыхнули молочные дымки шрапнельных разрывов, и сразу, как отрезанный, смолк гик атакующих. Тишина на миг распахнула властные крылья над стонущим ущельем... и вдруг из-за лесистого увала перекаристо грянуло грозное: «Ур-ра-а-а – урр-рра-а!» И была в нем ярость, иступленная радость и всесокрушающая мощь.

...Опрокинутые орды Шамиля, подобно разбившейся о гранит пенной волне, откатились, и авангард наконец вырвался из мрачных тисков ущелья.

Барон Бенкендорф, используя эту возможность, первым прошел перешейком, который соединял оба ската горы, и блистательно выполнил поставленную задачу; преследуя противника по пятам, его чудо-егеря заняли противоположный склон, наскоро укрепив его ложемен-тами и трофейными турами».

* * *

Граф Воронцов все это время находился рядом и лично следил за действиями авангарда; будучи уверен, что русские войска уже полные хозяева этого плацдарма, командующий прищпорил коня следом за куринцами Бенкендорфа, не имея другого прикрытия, кроме своего штаба и конвоя из двух десятков донских казаков. Впрочем, число одних генералов, князей, графов, баронов, адъютантов и других высоких штабных чинов равнялось комплектной роте.

По узкой, заваленной стволами вековых деревьев тропе пробираться можно было только по одному или по двое, не приходилось и думать о движении сколько-нибудь сомкнутым строем. Люди были напряжены, лошади возбужденно храпели, прядали ушами, рвались вперед: никому не хотелось задерживаться в сем тесном и трудном проходе Даргинского ущелья. Гнетущее настроение свиты усугублялось еще и тем, что кони ступали буквально по трупам. Они лежали вповалку, друг на друге, горцы и русские, прославленные джигиты – воины-гази – и усачи-егеря, бесстрашные георгиевские кавалеры. Тут же, справляя свой пир, могильно хлоппали крыльями коршуны и канюки, дерзко поглядывая на проезжавшую в нескольких шагах от них кавалькаду.

В воздухе плавилась нестерпимая духота и над землей уже плыл тлетворный дух мертвечины. И тем, кто видел это, казалось, что от боли кричит раскаленная тишина ристалища.

Отдавая дань павшим героям, главнокомандующий снял с головы фуражку; его примеру последовали и другие, смотревшие на убитых с тем чувством страха и животного любопытства, которое испытывает всякий живой к магической тайне мертвого.

Воронцов придержал жеребца и осенил себя трижды крестом: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих... и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное. Вечная память вам, герои Кавказа».

Краткая задержка Воронцова изломала движение свиты; конвой и адъютанты, сдерживая лошадей, понабились, как горох в стручке, за спиной графа. Многие крестились и опасливо озирались окрест. Слова ронялись скупно и тяжело, словно отлитые из свинца пули:

– Вот она... смерть, господа... Вот она, война...

– В атаку шли... – глядя на застывшие в последнем яром броске тела, глухо заметил князь Гагарин и со значением подчеркнул: – За Веру, Царя и Отечество.

– Помилуйте, генерал! Что за вздор!.. Какое, к бесу, «отечество»?! К черту из этого туземного «рая»! Из этого каменного мешка!

– Что там его сиятельство, господа? Адъютант Голицын, ради Бога, узнайте же наконец, почему стоим!

– Ваше высокопревосходительство! – Голицын, подстрекнув шпорами белоногого жеребца, поскакал по густо взмешанной, бордовой от крови земле, истоптанной сотнями ног и лошадиных копыт. – Дозвольте обратиться, ваше...

– Не надо реверансов, майор. Не до них!

– Ваше сиятельство, нам следует торопиться. Здесь небезопасно... а более всего, тут невыносимо воняет, радон, дерьмом, кровью и...

– Невыносимы – вы, Голицын! Не забывайте, адъютант! Дамами и духами на войне не пахло от создания мира.

– Но я...

– Кошунству здесь не место! Вам ясно, адъютант?!

– Так точно, ваше-с...

– А я не знал, что вы циник, князь... На их месте могли быть мы... Довольно! Спишем это на вашу незрелость, голубчик. И вот что: распорядитесь, чтобы художник сделал на биваке наброски боя. Шут знает, этюды, эскизы... как там у них...

– И... и это тоже? – Голицын, фраппированный выучкой графа, неуверенно указал белой перчаткой на кровавое месиво.

– И это тоже, адъютант. Для истории и потомков.

Глава 12

Главнокомандующий понудил⁵⁷ своего «британца» в объезд разрушенного завала, когда передовое взгорье балки огласилось выстрелами.

– Ваше сиятельство! Враг числом до семи со..! – Голицын осекся, ошеломленно глядя на свой сверкающий глянцем кавалерийский сапог, каблук которого отгрызла чеченская пуля.

И тут же за спиной свиты ахнул громовой раскат, следом рвануло впереди тупо и гулко; задернуло красным пологом черные контуры обвалившихся завалов, сотрясло землю, словно по ней бухнули стопудовым кузнечным молотом.

Две пушки мюридов били прямой наводкой, харкая снопами огня из скальных бойниц. Ядра, вспарывая свистящий воздух, врубались в скалы, выбивая из тысячелетнего базальта куски породы и дымные ключья пламени.

...Воронцов, припадая к разметавшейся гриве вздыбленного коня, с отчаяньем понимал, что все они стали заложниками дьявольски коварного расчета Шамиля. Хаос и паника охватили свиту. Обезумевшие кони сбрасывали и затаптывая своих седоков. А неуязвимые для русских пуль канониры методично продолжали уничтожать все на своем пути. Незримый вихрь, внезапно возникавший из дрожащего воздуха, подобно безжалостным вездесущим гарпиям⁵⁸, с металлическим визгом косил метавшихся людей. Звук несущегося ядра приближался мгновенно, ширился и, как казалось несчастным, заполнял собою весь мир, вдрызг разбивал гудевшие скалы, подбрасывал в воздух руины завалов и рушил на головы ревущее дымное месиво. Смертельный просчет, который граф осознал в доли секунды, был просчетом всей его боевой жизни, которая бесславно кончалась в этой даргинской бойне, в грохочущем алом зареве.

Драматизм произошедшего заключался еще и в том, что свита графа оказалась вне сферы действия как авангарда, так и главных сил экспедиционного корпуса; противник же, укрывшийся в скалах клином вошел между штабом Главной квартиры и егерями полковника Бенкендорфа.

Конь графа Воронцова был ранен, двое адъютантов убиты, и командующий сам должен был обнажить шпагу:

– Роковой час пробил! Не дрогнем, господа! С нами Бог!

Михаил Семенович с поднятым клинком сзывал к себе людей под прикрытие гранитной стены, разбрасывал руки, точно хотел обнять своих гибнущих товарищей, прижать к груди, заслонить от поглощавшей их катастрофы. Он понимал, что попал в западню, что его обошли. И к этому сатанинскому розыгрышу причастен отнюдь не только Шамиль, не только его хитроумные наибы, вожди и лазутчики, но и он сам, давший одурачить себя, усыпить свое полководческое чутье и опыт, дозволивший опозорить свои седины.

---

⁵⁷ Подогнать; пустить лошадь вскачь.

⁵⁸ В древнегреческой мифологии – крылатая женщина-чудовище, богиня огня и вихря; гарпии считались похитительницами людей, пропавших без вести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.